

О природе анимуса

Анима и анимус являются особо важными архетипическими фигурами. Они, с одной стороны, принадлежат индивидуальному сознанию, а с другой - укоренены в коллективном бессознательном, образуя таким образом связь, или мостик, между личным и внеличным, сознательным и бессознательным. Именно из-за того, что первый выражает фемининное, а второй - маскулинное, К.Г. Юнг и назвал их анимой и анимусом соответственно [1]. Он рассматривал их как функциональные комплексы, действующие компенсаторно к внешней личности, т.е. ведущие себя так, как если они были внутренними личностями и выражали характеристики, недостающие у внешней или проявленной сознательной личности. У мужчины это фемининные характеристики, а у женщины - маскулинные. В норме обе части присутствуют в некоторой степени, но им не находится места в направленном вовне функционировании личности, потому что они нарушают ее адаптацию и установившийся образ себя.

Однако черты этих фигур определяются не только латентными сексуальными характеристиками, которые они представляют; они обусловлены жизненным опытом личности с представителями противоположного пола, а также коллективным образом женщины в психике отдельного мужчины и коллективным образом мужчины у женщины. Эти три фактора в совокупности формируют качество, которое не является только образом или только опытом. Они дают целостность, которая не управляется в своей активности другими психическими факторами. Анима и анимус ведут себя так, как если бы они были самостоятельным законом, вмешиваясь в жизнь человека подобно чужеродной силе; иногда это вмешательство благотворно, иногда мешает, а иногда – по-настоящему разрушительно. Так что у нас есть все причины для того, чтобы заняться этими психическими образованиями и попытаться понять, как они на нас действуют.

Если далее в тексте я буду представлять анимус и его проявления как реальные, читатель должен помнить, что я говорю о психической реальности [2], которая не смешивается с конкретной реальностью, но при этом не менее действенна. Я собираюсь представить некоторые аспекты анимуса, необходимые для более полного понимания этого чрезвычайно сложного феномена; так как, обсуждая анимус, мы имеем дело не только с абсолютной неизменной сущностью, но также с духовным процессом. Я хочу ограничиться здесь способами, которыми анимус появляется в отношении к индивидуальному и сознательному.

Сознательные и внешние проявления анимуса

Я исхожу из посылки, что анимус, который мы здесь рассматриваем, является маскулинным принципом. Но чем характеризуется этот маскулинный принцип? Гете вложил в уста Фауста, который занимался переводом Евангелия от Иоанна, вопрос, не лучше ли перевести пассаж «В начале было Слово» как «В начале была Власть» (или «Смысл»), и решил оставить в конце: «В начале было Дело». Эти четыре предположения, воспроизводящие греческий Логос, выражают квинтэссенцию маскулинного принципа. В то же время мы видим в них прогрессивную последовательность, и каждая стадия представлена в жизни, а также в развитии анимуса. Власть соответствует первой стадии, далее - дело, потом - слово и в конце - смысл. Вместо «власть» лучше было бы сказать «управляемая сила». Потому что простая сила или власть - еще не человеческая и не духовная. Это четырехчастная характеристика принципа логоса включает в себя элемент сознания, потому что без сознания не мыслимы ни воля, ни слово, ни деяние, ни смысл.

Подобно тому, как есть разные типы мужчин (мужчины выдающейся физической силы, мужчины дела, мужчины слова и мужчины мудрости), также различают и фигуры анимуса - в соответствии со стадиями развития естественных талантов женщины. Этот образ может переноситься на реального мужчину, которому придается роль анимуса из-за сходства; либо же эта фигура может появиться во сне или в фантазии; но поскольку она представляет живую психическую реальность, то она придает окраску всему, что женщина делает. Для примитивной женщины или молодой женщины (или для примитивного уровня в любой женщине) фигурами анимуса становятся мужчины выдающейся физической силы. Типичными примерами являются герои легенд, современные спортсмены, ковбои, тореадоры, авиаторы и т.п. Для более придирчивых и требовательных женщин фигурой анимуса является мужчина, делающий дела, направляющий свою силу на что-то важное. Переход здесь не такой резкий, потому что сила и дела являются условиями друг друга. Мужчина, владеющий «словом» или «смыслом», представляет, в сущности, интеллектуальную тенденцию, потому что слова и смыслы соответствуют психическим способностям. Такой мужчина служит примером анимуса в более узком смысле, будучи духовным наставником или символизируя интеллектуальные таланты женщины. На этой стадии анимус также по большей части становится проблематичным; подробнее мы это рассмотрим далее.

Образы анимуса, представляющие стадии силы и действия, проецируются на героические фигуры. Но также существуют женщины, у которых этот аспект маскулинности уже гармонично сочетается с фемининным принципом и получает его эффективную помощь. Есть активные, энергичные, смелые и пробивные женщины. Но есть и такие, которым подобная интеграция не удалась: у них маскулинное поведение преобладает и подавляет фемининный принцип. Есть чрезмерно энергичные, жесткие, brutальные, мужеподобные женщины, «Ксантиппы», которые не только активны, но и агрессивны. У многих женщин эта примитивная маскулинность также выражена в их сексуальной жизни, и поэтому их подход к любви имеет агрессивный маскулинный характер и не обусловлен чувствами, как это бывает обычно у женщин, а действует по своей собственной воле отдельно от остальной личности, как это бывает преимущественно у мужчин.

В целом, однако, можно считать, что более примитивные формы маскулинности уже ассимилированы женщинами. Обобщенно говоря, женщины долгое время находили себе применение только в фемининном типе жизни, теперь же есть женщины, чья сила воли, целеустремленность, активность, энергия являются полезными силами в их (в противном случае) довольно фемининной жизни. Проблемы этих женщин сегодня, по-видимому, лежат скорее в их отношении к анимусу-логосу (к маскулинному интеллектуальному элементу в узком смысле слова), потому что расширение сознания в целом, большее сознание во всех областях является неизбежным требованием (а также редким даром) в наше время. Одним из подтверждений этого факта является то, что в связи с открытиями и изобретениями последних пятидесяти лет у нас начало развиваться так называемое «женское движение», борьба женщин за равные права с мужчинами. К счастью, сегодня мы уже пережили худший продукт этой борьбы - «синий чулок». Женщины научились видеть, что они не могут стать подобными мужчинам, потому что, во-первых и прежде всего, они - женщины и должны быть ими. Однако остается факт, что определенная сумма мужского духа вторгается в женское сознание и должна найти свое место в ее личности. Научиться понимать эти факторы, координироваться с ними так, чтобы они смогли сыграть свою роль в осмысленной жизни - важная часть проблемы анимуса.

Время от времени мы слышим разговоры о том, что женщинам нет необходимости занимать себя духовными или интеллектуальными вопросами, что это лишь идиотское подражание мужчинам или побуждение к соперничеству, означающее мегаломанию. Хотя это абсолютно верно во многих случаях, особенно в феномене женского движения, тем не менее, это

мнение в целом несправедливо. Не высокомерие и не самонадеянность вызывают у нас смелое желание уподобиться Богу (т.е. мужчине); мы не подобны Еве, соблазненной красотой фрукта с Древа познания; и не змей внушает нам мысль попробовать его. И это не приходит к нам подобно приказу - мы столкнулись с необходимостью вгрызаться в яблоко независимо от того, считаем мы это хорошим или плохим, столкнулись с фактом, что рай естественности и бессознательности, в котором многие из нас хотели бы радостно проживать, утрачен навсегда.

Так на самом деле обстоят дела, даже если на поверхности все выглядит иногда иначе. И из-за того, что затронута столь важная поворотная точка, не следует ни удивляться безуспешным попыткам и гротескным эксцессам, ни позволять себе быть запуганными ими. Если с проблемой не столкнуться лицом к лицу, если женщине не встретить адекватно требование сознания или интеллектуальной активности, анимус станет автономным и негативным и будет работать деструктивно по отношению к индивидууму и в отношениях с другими. Этот факт можно объяснить следующим образом: если возможность духовного развития не используется сознательным умом, то присущая ему психическая энергия уходит в бессознательное и там активизирует архетип анимуса. Фигура анимуса, наделенная энергией, текущей назад из бессознательного, становится автономной и настолько сильной, что пересиливает сознательное эго и в конце концов захватывает власть над личностью. Нужно добавить, что я исходила из следующего предположения: в человеке есть определенная основная идея, которая должна быть осуществлена (как, например, в яйце или в зерне пшеницы есть уже идея жизни, которой судьбой назначено пробиться). Следовательно, я говорю о количестве доступной психической энергии, предназначенной для духовных функций; она и должна быть отдана им. Выражаясь фигурально, в экономических терминах, ситуация подобна обращению с семейным бюджетом или с другими подобными делами, где определенная сумма денег выделена под определенные цели. Кроме того, время от времени сумма, ранее использованная на другие дела, будет становиться доступной - или потому, что она уже не нужна на те цели, или потому, что ее больше нельзя использовать иначе. Это во многом напоминает то, что происходит с женщиной сегодня. Прежде всего, она редко находит удовлетворение в существующих религиях, особенно в протестантизме. Церковь, которая когда-то в значительной степени удовлетворяла духовные и интеллектуальные потребности, теперь больше не удовлетворяет ее. Ранее анимус вместе со связанными с ним проблемами мог быть отнесен к чему-то внешнему (для многих женщин - к библейскому Богу-Отцу, означающему

метафизический сверхчеловеческий аспект образа анимуса), и до тех пор, пока духовность таким способом могла быть убедительно выражена в этих общезначимых формах, конфликты не возникали. Только в наше время, когда эта ситуация изменилась, возникают подобные проблемы.

Еще одна причина - в достижениях технологии, которая теперь используется там, где ранее женщина могла приложить свою изобретательность и творческий дух. Если раньше она раздувала огонь в домашнем очаге, совершая таким образом акт Прометея, сегодня она пользуется газовой или электрической плитой и даже не подозревает, чем она пожертвовала из-за этих практических новшеств, и к каким результатам это привело. Многие сейчас делается не традиционным образом, а по-новому, и это не может не иметь последствий. Многие женщины в момент столкновения с интеллектуальными требованиями говорят: «Я бы просто родила ребенка», - чтобы избежать или, по меньшей мере, отсрочить неприятные или беспокоящие требования. Но рано или поздно женщина должна изменить себя для решения этих задач, т.к. биологические требования естественным образом уменьшаются после первой половины жизни, поэтому изменение жизненной установки необходимо, если она не хочет стать жертвой невроза или других болезней.

Более того, к этой новой задаче ее толкает не только освобожденная психическая энергия, но в равной мере и вышеупомянутый закон момента времени, кайрос, которому все мы подчиняемся и которого нельзя избежать, просто закрывая глаза на то, что происходит. Фактически, наше время совершенно повсеместно требует расширения сознания. Поэтому в психологии мы открываем и исследуем бессознательное, в физике мы постигаем феномен процесса - лучи и волны, которые ранее не были воспринимаемы и не были частью наших сознательных знаний. Нам открываются новые миры со своими законами, например, мир атома. Далее телеграф, телефон, радио и технически совершенные инструменты всякого рода сделали удаленные вещи ближе, расширив диапазон нашего чувственного восприятия по всему миру и даже за пределы земли. Во всем этом выражено расширение и просвещение сознания. Дальнейшее обсуждение причин и целей этих явлений увело бы нас слишком далеко за пределы нашей темы; я упомянула об этом только как важном факторе в проблеме, которая столь остра для женщин в современности - проблеме анимуса.

Усиление сознания предполагает поступление энергии по новым путям. Вся культура, как нам известно, зависит от такого движения, и именно способность творить культуру отличает человека от животных. Но этот

процесс влечет большие сложности; несомненно, он действует на нас почти как грех, как ошибочные действия; это показано в таких мифах, как миф о Грехопадении человека или о похищении огня Прометеем, и таким же образом мы можем переживать это в своих жизнях. И это неудивительно, так как это относится к прерыванию или обращению вспять естественного течения событий - очень опасному предприятию. Поэтому этот процесс всегда тесно связан с религиозными идеями и ритуалами. Несомненно, религиозные мистерии с символическим опытом смерти и рождения всегда означают этот таинственный и чудесный процесс трансформации.

Как видно из уже упомянутых мифов о Грехопадении и похищении огня Прометеем, именно логос - т.е. знание, сознание, слово - поднимает человека над природой. Но это достижение приводит его к трагическому положению между животными и Богом. Потому что он уже не ребенок матери-природы, он потерял рай, но он также и не Бог, потому что он еще тесно связан своим телом и законами природы, подобно тому как Прометей прикован к скале. Хотя это болезненное состояние подвешенности, разорванности духа и природы, человеку давно известно, только недавно женщины стали реально ощущать этот конфликт. И с этим конфликтом, который идет рука об руку с усилением сознания, мы возвращаемся к проблеме анимуса, которая неизбежно ведет к противоположностям - духу и природе - и их гармонизации.

Как эта проблема проявляется? Как мы получаем опыт духовного? Сначала мы начинаем осознавать его во внешнем мире. Ребенок обычно видит его в отце или в человеке в роли отца; позже, возможно, - в учителе или старшем брате, муже, друге; в конце концов - в объективных свидетельствах духа: в церкви, государстве и обществе со всеми его институтами, а также в творениях искусства и науки. По большей части, прямой доступ к этим объективным формам духа для женщины невозможен; она находит его только через мужчину, который выступает ее гидом и посредником. Этот гид и посредник далее становится носителем или представителем образа анимуса; другими словами, анимус проецируется на него. Пока проекция успешна, т.е. пока образ соответствует до определенной степени носителю, реального конфликта не возникает. Наоборот, дела идут замечательно, особенно если мужчина, являющийся духовным проводником, одновременно является человеком, с которым есть позитивные человеческие отношения. Если такая проекция стабильно установится, то эти отношения можно назвать идеальными (идеальными в силу отсутствия конфликта), но женщина остается неосознающей. Тот факт, что сегодня уже нельзя оставаться неосознающими, по-видимому, подтверждается ситуацией, что у

многих женщин, которые верили, что они счастливы и благополучны, что у них идеальные отношения с анимусом, обнаружились проблемы с нервными и телесными симптомами. Очень часто у них появляется тревога, сонливость и общая нервозность или физические болезни типа головных и других болей, нарушений зрения, а иногда - заболевания легких. Мне известно несколько случаев, когда болезнь в легких возникала тогда, когда стала острой проблема анимуса, и излечивалась, когда проблема была понята и осознана как таковая [3]. (Возможно, органы дыхания имеют особенное отношение к духу, как это отражено в словах «анимус», «пневма», «Nauch», «дыхание» или «Geist» (дух) и, следовательно, реагируют с особенной чувствительностью к процессам духа. Но возможно, что воздействию также может быть подвержен любой другой орган, и это просто вопрос психической энергии, которая, не найдя подходящего выражения и будучи направленной назад, на себя, атакует любую слабую точку).

Такое полное перенесение образа анимуса на мужчину, как было описано выше, вместе с видимым удовлетворением и завершенностью создает что-то вроде компульсивных пут для выбранного мужчины и зависимость от него, которая часто невыносимо разрастается. Это состояние очарованности другим и нахождения под его влиянием хорошо известно под термином «перенос», который есть ни что иное, как проекция. Однако проекция означает не только перенесение образа на другого человека, но также соответствующие поступки; поэтому от мужчины, на которого перенесен образ анимуса, ожидается, что он примет на себя все эти функции, которые остались неразвитыми в женщине, будь то мыслительная функция или активность в действиях и ответственность во внешнем мире. В свою очередь, женщина, на которую мужчина проецировал свою аниму, проявляется и в восприятии и в поступках, и эти симбиотические отношения, по моему мнению, являются в реальности компульсивной зависимостью, которая формируется в подобных случаях.

Но такое состояние полностью успешной проекции обычно длится недолго - особенно если женщина находится в тесных отношениях с этим мужчиной.

Тогда несовпадение между образом и его носителем становится слишком очевидным. Архетип, примером которого является анимус, в действительности никогда не совпадает с реальным человеком, и чем индивидуальнее этот человек, тем это очевиднее. Индивидуальность в действительности противоположна архетипу, так как то, что является индивидуальным, ни в коем случае не является стандартным, а является уникальной смесью характеристик, самих по себе по отдельности, возможно, типичных.

Когда это различие между образом и человеком достигается, мы начинаем осознавать (к нашему большому разочарованию и путанице), что человек, который, как нам казалось, воплощал образ, в итоге не соответствует ему, ведет себя совершенно отличным образом от наших ожиданий. Сначала, вероятно, мы пытаемся закрыть на это глаза; мы часто продолжаем делать это относительно успешно, благодаря склонности к стиранию различий, которой мы поддаемся. Часто мы прибегаем к реальным хитростям, чтобы заставить человека быть тем, кем, как нам кажется, он должен быть. Мы не только сознательно давим или действуем силой; гораздо чаще мы действуем на партнера бессознательно, своим поведением толкая его к архетипическим реакциям анимуса. Естественно, это же остается верным и для мужчины в отношении женщины. Ему также хотелось бы видеть в ней образ, витающий перед ним, и из-за этого желания, действующего как внушение, он может делать так, чтобы она не жила своей реальной жизнью, а воплощала фигуру анимы. Этот факт и то, что анима и анимус взаимно констеллируют друг друга (так как проявление анимы вызывает анимус, и наоборот, производя порочный круг, который трудно разорвать), приводит к большим сложностям в общении мужчин и женщин.

Но к моменту, когда открывается несоответствие мужчины и фигуры анимуса, женщина уже в разгаре конфликта, и ей не остается ничего другого, кроме как дойти до завершения процесса различения между внутренним образом и реальным человеком. Здесь мы выходим к самому важному аспекту проблемы анимуса, а именно к маскулинному интеллектуальному компоненту внутри самой женщины. Мне кажется, что соотнесение с этим компонентом, познание его и включение его в остальную личность являются центральными элементами этой проблемы, которая, возможно, является самой важной среди всех, что заботят современную женщину. То, что эта проблема имеет дело с естественной предрасположенностью, органическим фактором, относящимся к индивидуальности и обреченным активироваться, объясняет, почему анимус притягивает к себе психическую энергию и вырастает до могущественной и автономной фигуры.

Вероятно, все органы и органические структуры притягивают к себе определенное количество энергии, которая означает готовность действовать; и когда отдельный орган получает недостаточное количество энергии, этот факт становится видимым через появление нарушений или образование симптомов. Если приложить эту идею к психике, то из присутствия могущественной фигуры анимуса у конкретного человека – так называемой «одержимости» анимусом – можно сделать заключение, что этот человек

придает слишком мало внимания своим маскулинно-интеллектуальным логосным тенденциям, или развил их недостаточно, или же применяет их неправильно. Вероятно, это звучит парадоксально, но если смотреть со стороны, это выглядит так, словно у женщины недостаточно развит фемининный принцип, потому что внешне ее поведение слишком маскулинное, с недостатком феминности. Но в демонстрируемой ей маскулинности я больше вижу симптом - знак того, что нечто маскулинное в женщине требует внимания. Когда настоящее фемининное превзойдено и подавлено автократическим вхождением на сцену маскулинности, этот фемининный элемент может занять правильное место только окольным путем, включающим выход на границы с маскулинным фактором, анимусом.

Просто заниматься интеллектуальной или маскулинной деятельностью недостаточно; это можно видеть на примере женщин, получивших образование и работающих в маскулинной интеллектуальной сфере, но тем не менее не разрешивших проблемы анимуса. Такого маскулинного обучения и способа жизни можно легко достичь посредством идентификации с анимусом, но тогда фемининная часть остается замороженной. В действительности необходимо, чтобы женская интеллектуальность (логос в женщине) настолько соответствовала бы женской природе и образу жизни, что сложилось бы гармоничное сотрудничество между фемининными и маскулинными частями, и ни одна из них не влачила бы жалкое существование в тени.

Таким образом, первым этапом в развитии является отведение проекций через их осознание и, как следствие, освобождение объекта от этих проекций. Такой факт различения, каким бы простым он не казался, трудно достижим и часто означает болезненное разочарование. Через это отведение проекции мы понимаем, что имеем дело не с сущностью, существующей вне нас, а с собственным качеством, и мы видим перед собой задачу постижения природы и действия этих факторов, этого «мужчины в нас», чтобы отличить его от себя. Если этого не делать, мы останемся в идентификации с анимусом, одержимыми им – состояние, создающее столько неприятных последствий. Т.к. в этом случае фемининная сторона настолько подавляется анимусом, что с легкостью возникает депрессия, общая неудовлетворенность, потеря интереса к жизни. Это все понятные симптомы, указывающие на то, что одна часть личности частично лишена жизни из-за анимуса.

Кроме этого, анимус может стать помехой в отношениях с другими людьми, препятствием между собой и жизнью в целом. Очень трудно распознать эту одержимость; и чем она сильнее, тем труднее. Поэтому

хорошей помощью является наблюдение за тем, как я влияю на других, и оценка их реакций - не вызваны ли они моей бессознательной идентификацией с анимусом. Эта ориентировка с помощью других людей, ясное распознавание анимуса и придание ему должного места – трудоемкий процесс, часто он не по силам человеку. Несомненно, что без отношений с человеком, соотносясь с которым, возможно снова и снова проверять себя, почти невозможно освободить себя от демонической хватки анимуса. В состоянии идентификации с анимусом мы думаем, говорим и делаем что-то в полной убежденности, что это делаем мы, в то время как в реальности не осознаем того, что это анимус говорит через нас.

Часто очень трудно понять, что какую-то мысль или мнение диктует нам анимус, потому что у анимуса агрессивная авторитарность и сила внушения. Эта авторитарность происходит от его связи с универсальным разумом, но его внушение получает силу благодаря собственной пассивности женщины в мышлении и нехватке у нее критического отношения. Такие внушенные мнения и идеи обычно преподносятся с большим апломбом - что особенно характерно для анимуса. Их особенность в том, что, согласно принципу логоса, это общезначимые идеи и истины, которые, хотя и могут быть в целом верными, не подходят в конкретной ситуации, потому что не схватывают особенность и специфичность этой ситуации. Поспешные неопровержимо верные суждения этого типа в действительности применимы только в математике, где дважды два всегда четыре. Но в жизни они не применимы, потому что ими оказывается давление или на обсуждаемый предмет или на человека, которому они адресованы, или даже на саму женщину, которая выносит суждения, не беря в расчет свои собственные чувства.

Подобный тип несвязного мышления также бывает у мужчин, когда они идентифицируются с причинным принципом или логосом и не думают своей головой, позволяя этим мыслям «приходить». Естественно, такие мужчины особо подходят для воплощения анимуса женщин. Но я не могу углубляться дальше в эту тему, потому что здесь я исследую только женскую психологию.

Один из наиболее важных способов, которыми анимус проявляет себя - производство суждений; это бывает как с суждениями, так и с мышлением в целом. Внутри они наваливаются на женщину в почти завершенных неопровержимых формах. Или, если они приходят снаружи, она нахватывается их потому, что они ей кажутся в чем-то привлекательными или убедительными. Но обычно она не чувствует желания продумать и, следовательно, действительно понять эти идеи, которые она взяла на

вооружение и даже распространяет другим. Ее неразвитая способность к различению приводит к обращению с одинаковым энтузиазмом как с ценными, так и с бесполезными идеями, потому что все внушенное сильно впечатляет и очаровывает ее. Это объясняет успех столь многих мошенников, которые часто достигают необъяснимой популярности своей псевдодуховностью. С другой стороны, нехватка способности к различению имеет и свои положительные стороны, она делает женщин не столь предубежденными, и поэтому они часто открывают духовные ценности и знакомятся с ними быстрее, чем мужчины, чья развитая критическая сила делает их менее доверчивыми. Мужчинам часто нужно много времени, чтобы увидеть ценные вещи там, где человек с меньшими предрассудками уже все понял.

Реальное мышление женщин (я имею в виду женщин в целом, хорошо зная при этом, что есть много женщин, превзошедших этот уровень – с дифференцированным мышлением и с в высшей степени духовной натурой) преимущественно практическое и прикладное. Оно обычно описывается как озвучивающее общественное мнение или связанное с ручным трудом и сферой услуг. В этой области оно на своем месте, функционирует адекватно и в действительности не относится к тому, что мы имеем в виду под анимусом в узком смысле слова. Только когда женская умственная сила больше не прилагается к выполнению повседневных дел, а идет дальше в поисках нового поля активности, тогда анимус вступает в игру.

В целом можно сказать, что женская ментальность проявляет неразвитый детский или примитивный характер вместо поиска знания и любопытства, вместо мышления, воображения и мечтания, вместо воли и намерения.

Где мужчина поднимает объективные проблемы - там женщина занята решением ребусов, где он борется за истину и понимание - там она заполняет себя предрассудками и суевериями или даже притворяется. Это хорошо заметные стадии, они могут быть прослежены в умственном развитии детей и примитивных народов. Поэтому любопытство детей и дикарей знакомо нам по собственным верованиям и суевериям. В одном эпосе есть спор между Одним и его войском - момент, когда мужской ум занят решением ребусов подобно женскому уму. Похожие истории доходят до нас из античности и средних веков. У нас есть загадка Сфинкса из истории Эдипа, а также спор между софистами и схоластами.

Так называемое исполняющее желания мышление также соответствует определенной стадии развития ума. Оно появляется в качестве

мотива в сказках, часто характеризующих что-то в прошлом, когда истории ссылаются на время, «когда мечтание было еще полезным». Магическая практика загадывания желаний (чтобы что-то произошло) основана на той же идее. Братья Гримм в книге о немецкой мифологии указывали на связь между мечтанием, воображением и мышлением. Согласно им,

«Древний Скандинав по имени Вотан или Один, по-видимому, был Желанием, и Валькирии также назывались Девушками Мечты. Один - бог ветра и странник, глава армии духов, изобретатель рун, - является типичным богом духа, но также и примитивной формой, все еще близкой к природе»

Как таковой, он хозяин желаний. Он творец не только всего хорошего и совершенного: именно он, будучи вызванным, может также порождать желания. Братья Гримм говорят: «Желание - это творческая сила, измеряющая и выражающая душу. Эта сила, которая дает форму, воображает, думает и, следовательно, есть воображение, идея, форма». В другом месте они пишут: «На санскрите «желание» не случайно названо «маноратна», колесо ума - именно желание вращает колесо ума».

Анимус женщин в сверхчеловеческом, божественном аспекте сравним с духом или богом ветра. Можно найти анимус в подобных формах во снах и фантазиях, и этот характер желания отличает женское мышление. Если принять в расчет, что сила воображения означает для мужчин ни что иное как способность создавать волевым усилием психические образы, и этот образ (хоть и нематериальный) не может не быть связан с реальностью, то воображение, мышление, желание и творение можно рассматриваются как эквивалентные. Особенно в относительно бессознательном состоянии (когда внешняя и внутренняя реальности не различаются, а перетекают друг в друга) вполне возможно, чтобы духовная реальность, т.е. мысли и образы, принимались за конкретные и реальные. У дикарей также можно найти эквиваленты между внешней конкретикой и внутренней духовной реальностью. (Леви-Брюль [4] привел много примеров этого, но их обсуждение увело бы нас слишком далеко). Подобное явление ясно обнаруживается в женской ментальности.

Удивительно, как часто к нам приходят мысли о том, что что-то случится определенным образом или что интересующий нас человек поступает (или поступил, или поступит) именно так. Мы не прекращаем сравнивать эти предположения с реальностью. Мы уже убеждены в их истинности или, по меньшей мере, склонны считать, что эта идея правильна или соответствует реальности. Другие фантазийные структуры также легко

принимаются за реальные и даже могут иногда появляться в конкретной форме.

Один из самых трудно узнаваемых видов активности анимуса лежит в этом поле - а именно в построении желаемых образов себя. Анимус является экспертом в рисовании и создании правдоподобной картинки, которая представляет нас или то, как мы хотели бы выглядеть для других, например, «идеальной возлюбленной», «трогательным беспомощным ребенком», «бездушной служанкой», «чрезвычайно оригинальным человеком», «тем, кто в действительности рожден для лучшего» и т.п. Эта активность, естественно, дает анимусу власть над нами, пока мы волевым образом или по необходимости не заставим наш ум отказаться от этой очень яркой картинки и увидим себя такими, какие мы есть.

Очень часто женская активность также выражается в размышлениях (в основном ретроспективных) над тем, что мы должны были сделать иначе в жизни и как мы должны были это сделать; мы как бы навязчиво устанавливаем причинные связи. Мы предпочитаем называть это размышлениями, но эта форма умственной активности является странным образом бесцельной и непродуктивной, ведущей в действительности к самоистязаниям. Здесь также есть типичная неудача в распознавании того, что есть в реальности, и того, о чем мы только мечтали или думали.

Можно сказать, что женское мышление, пока оно не занято обычными практическими задачами, в действительности не мышление, а скорее мечтание, воображение, желание и страх (т.е. негативные желания). Силу и авторитет анимуса можно частично объяснить примитивным психическим недостатком различения между воображаемым и реальным. Поскольку относящееся к уму (т.е. мышление) в то же время обладает характером неоспоримой реальности, то все сказанное анимусом также кажется неоспоримой правдой.

И теперь мы переходим к магии слов. Слово, также как идея и мысль, воспринимается неразвитым умом как реальность. К примеру, наш библейский миф творения, где слова происходят от Слова создателя, является выражением этого. Анимус также обладает магической силой слов, и, следовательно, человек с талантом оратора может иметь силу внушения на женщин (в хорошем и плохом аспекте). Не слишком ли я далеко иду, утверждая, что магия слов, искусство риторики является тем, на что женщина легче всего ловится в мужчине и чем наиболее часто обманывается? Но под влияние магии слов попадают не только женщины, это явление есть везде. Древние священные руны, индийские мантры, молитвы и магические заговоры вплоть до технических формул и лозунгов во все времена - все они

обладали магической силой духа, которым стало слово.

Однако можно сказать, что в целом женщина более склонна к таким магическим формулам, чем мужчина соответствующего культурного уровня. У мужчины от природы есть побуждение понять вещи, с которыми он имеет дело; маленький мальчик демонстрирует склонность разбирать вещи, чтобы узнать, как они устроены и как работают. У девочек эта тенденция менее выражена. Они могут работать с инструментами и машинами, не испытывая желание понять их или изучить их устройство. Таким же образом их может впечатлить внушительно произнесенное слово, даже если они не поняли его точного значения. Мужчины склонны проследивать значение в гораздо большей степени.

Самым характерным проявлением анимуса является не образ (гештальт), а слово (логос также означает слово). Он приходит к нам в виде голоса, комментирующего каждую ситуацию, в которой мы оказались, или сообщая общие правила поведения. Часто мы так сначала и воспринимаем анимус - как отличающийся от эго - задолго до того, как он кристаллизуется в конкретную фигуру. По моим наблюдениям, этот голос выражается главным образом двумя путями. Во-первых, мы слышим от него критические (обычно негативные) комментарии по поводу любой вещи, точную оценку всех намерений и мотивов, что естественным образом вызывает чувство неполноценности и в зародыше давит всякое желание самовыражения. Временами этот голос может также давать завышенные оценки, и результатом этих крайних суждений будет то, что вы будете колебаться между осознанием полной бесполезности и раздутым ощущением собственной ценности и важности. Второе проявление анимуса заключается в навязывании команд или запретов и высказывании общепринятых мнений. Мне кажется, что здесь выражены две важные функции анимуса. С одной стороны, мы различаем, судим и понимаем; с другой стороны - устанавливаем и отменяем общие правила. Вероятно, можно сказать: там, где превалирует первый тип функционирования, анимус появляется как единичный человек, тогда как во втором типе есть плюралистичность, что-то вроде совещания. Различение и суждение главным образом индивидуальны, тогда как установление и отмена законов предполагает соглашение со стороны многих и, соответственно, чаще представлены группой. Хорошо известно, что у женщин редко наблюдается творческая активность ума. Есть много женщин, развивших способности к мышлению, различению, критике, но мало таких, которые так же умственно креативны, как мужчины. Но было бы ошибочным утверждать, что женщине не хватает таланта изобретать - что если бы мужчины не изобрели ложку, то мы до сих пор

мешали бы суп палкой.

Креативность женщин находит свое выражение в сфере жизни, не только в ее биологической функции как матери, но и в придании форм жизни в целом (в ее роли воспитателя, спутника мужчины, хозяйки в доме и в других ролях).

Развитие отношений имеет первостепенную важность в придании формы жизни, и это - реальное поле женской творческой силы. Среди всех искусств драма является той формой, где женщина достигает равенства с мужчинами. В игре людям, отношениям и жизни придается форма, и поэтому женщина так же креативна, как и мужчина. Мы находим также творческие элементы в продуктах бессознательного - во снах, в фантазиях или фразах, которые спонтанно приходят к женщинам. Эти продукты часто несут мысли, взгляды, истины чисто объективной и абсолютно внеличной природы.

Опосредование такого знания и таких содержаний является существенной функцией развитого анимуса.

Во снах мы часто обнаруживаем абстрактные научные символы, которые едва ли могут быть интерпретированы на персональном уровне, но представляют объективные находки и идеи, которыми никто не может быть воодушевлен более самой сновидицы. Это особенно поразительно у женщин с плохо развитой мыслительной функцией или с недостаточным культурным уровнем. Я знаю женщину (с низшей функцией [5] мышления), в снах которой часто всплывают проблемы астрономии и физики, а также разные технические инструменты. Другая женщина, совершенно не рациональная по типу, воспроизводя бессознательные содержания, часто рисует строгие геометрические кристаллоподобные фигуры, вроде тех, что могут быть найдены в книгах по геометрии или минералогии. Анимус приносит взгляд на мир и жизнь, который идет гораздо дальше сознательного мышления и показывает творческое качество, которое невозможно отрицать.

Однако в поле, где творческая активность женщины расцветает наиболее ярко (т.е. в человеческих отношениях), творческий фактор вытекает в большей степени из чувств, соединенных с интуицией или ощущениями, чем из ума (в смысле логоса). Здесь анимус может быть действительно опасен, потому что он заменяет собой чувства в отношениях, делая соотнесенность трудной или невозможной. Часто происходит так, что вместо понимания ситуации (или другого человека) через чувство и действие, мы размышляем и даем мнение вместо человеческой реакции. Это может быть сделано с хорошими намерениями, очень правильно и умно, но оно не будет иметь эффекта (или будет иметь неправильный эффект), так как это верно только на объективном, фактическом уровне. Субъективно, по-человечески, это неправильно, потому что в этот момент с партнером или отношениями лучше

всего обходиться не проницательностью или объективностью, а чувствами симпатии. Очень часто такое объективное отношение предлагается женщиной из предположения, что она ведет себя превосходно, но этот эффект полностью разрушает ситуацию. Неспособность понять, что проницательность, разумность и объективность не соответствуют ситуации, часто поражает. Я могу объяснить это только тем фактом, что женщины привыкли думать, что мужской подход сам по себе более ценен, чем женский взгляд, и превосходит его. Мы верим, что мужское объективное отношение в любом случае лучше, чем отношение женское и субъективное. Это особенно верно для женщин, которые уже достигли определенного уровня сознания и признания рациональных ценностей.

Здесь я подхожу к значительному отличию проблем анимуса у женщин и проблем анимы у мужчин – отличию, которому, по моему мнению, уделяют мало внимания. Когда мужчина открывает свою аниму и вступает в контакт с ней, он поднимает на поверхность нечто, что ранее было низшим для него. Редко бывает так, чтобы фигура анимы (образ или человек) является поразительно притягательной и, следовательно, кажется ценной. До настоящего времени фемининный принцип всегда принимался за что-то низшее в сравнении с маскулинным. В наше время мы только начинаем оспаривать справедливость этого утверждения. В выражениях типа «не будь как девчонка» или «мальчики так не делают» предполагается, что такое «женское» поведение презирается. Наши законы тоже ясно показывают, насколько превалирует концепция женской неполноценности. Даже сейчас во многих странах закон открыто декларирует, что мужчины выше женщин, предоставляя мужчинам больше привилегий, делая их защитниками и т.п. В результате, когда мужчина вступает в отношения с анимой, ему нужно спуститься с высоты, преодолеть сопротивление (свою гордость) и признать, что она - «Божественная леди» (Госпожа), как ее называл Спителлер, или, по словам Хаггарда, «Она, которой следует подчиниться». У женщин бывает по-другому. Мы относимся к анимусу не как к «Тому, которому надо повиноваться», а, скорее, как к противоположному, потому что для женщин слишком легко подчиняться авторитету анимуса (или мужчине) в рабской угодливости. Даже если сознательно она думает иначе, идея, что маскулинное само по себе более значимо, чем фемининное, получена ею с рождения. Это сильно увеличивает силу анимуса. Что женщина должна преодолеть в отношении анимуса, так это не гордость, а недостаток уверенности в себе и инертность. Нам не столько нужно унижить себя (если только мы не идентифицировались с анимусом), сколько нужно себя поднять. В этом нам часто не хватает смелости и силы воли. Нам

кажется самонадеянным противопоставлять наши собственные неавторитарные установки тем суждениям анимуса или мужчины, которые имеют общую значимость. Для женщины работать над собой до уровня такой почти самонадеянной независимости часто очень сложно, потому что так неприятно быть непонятой или осужденной. Но без такого протеста нет повода для страданий; как следствие, она никогда не освободится от власти тирана, никогда не найдет себя. Внешне кажется, что это только другой обходной путь, потому что очень часто есть только высокомерная убежденность или апломб, и мало сдержанности. Это дерзкое и самоуверенное (или даже вздорное) отношение должно быть направлено против анимуса, но оказывается признаком более или менее полной идентификации с ним.

От такого сверхъестественного поклонения мужчинам, переоценивания маскулинного, страдаем не только мы в Европе. В Америке, где так принято говорить о культе женщины, отношение к маскулинному, по-видимому, в принципе такое же. Американская женщина-терапевт с большим опытом говорила мне, что все ее женщины-пациенты страдают от принижения своего собственного пола, и что ей нужно донести им идею о ценности женского начала. С другой стороны, лишь очень небольшая часть мужчин недооценивают свой пол; по большей части мужчины, напротив, очень им гордятся. Есть достаточно девушек, которые с радостью сменили бы пол, но на тех юношей или мужчин, которые пожелали бы быть женщинами, смотрят как на извращенцев.

Естественным результатом этой ситуации является то, что отношение женщин к своему анимусу существенно отличается от отношения мужчин к аниме. И из-за этого отличия мужчины не могут понять многие проблемы женщин, которые не параллельны их опыту анимы. Женщине не избежать жертвования. Несомненно, для нее стать сознательной означает отвергнуть свою специфическую женскую силу. Так как женщина проявляет свою магическую силу – очарование, на котором основана ее власть над мужчиной – бессознательно. Инстинктивно чувствуя эту силу и не желая ее потерять, она часто сопротивляется тому, чтобы становиться сознательной, даже если относящееся к духовному кажется ей достойным борьбы. Многие женщины даже искусственно сохраняют себя бессознательными, чтобы избежать этой жертвы. Надо признаться, что в этом женщин очень часто поддерживают мужчины. Многие мужчины получают удовольствие от женской бессознательности. Они всеми возможными способами противодействуют повышению ее сознательности, потому что оно кажется им неудобным и ненужным.

Еще одним моментом, который часто упускается, является отличие функции анимуса от функций анимы. Мы часто говорим, что анима и анимус являются посредниками между бессознательными содержаниями и сознанием, имея в виду, что они выполняют одну и ту же функцию. В общем, это верно, но мне кажется важным отметить разницу в их ролях. Актуализация бессознательных содержаний в смысле выведения их на поверхность является специфической ролью анимы. Это помогает мужчине воспринимать вещи, в противном случае неясные. Необходимым условием для этого является ослабление сознания; т.е. установление более фемининного сознания, менее резкого и ясного, чем мужское, но способного воспринимать вещи шире. Женский талант видения, женская интуиция признавались всегда. Это видение, восприимчивость к сокровищу, становится возможным для мужчин через аниму.

В отношении анимуса акцент лежит не на простом восприятии – которое, как было сказано, всегда было женским даром, – а на природе логоса, на знании, особенно на понимании. Функция анимуса – придавать смысл, а не формировать образ.

Было бы ошибочным считать, что можно задействовать анимус, занимаясь пассивным фантазированием. Нужно помнить, что, как правило, свободная фантазия не является достижением для женщин; иррациональные события и образы, смысл которых невозможно понять, кажутся им чем-то совершенно естественным; в то время как для мужчины заниматься этим является достижением – жертвованием разумом, спуском в темноту, движением от ясного к туманному. С большим трудом он признает: все, что в бессознательном кажется непонятным и даже бессмысленным, может, тем не менее, иметь ценность. Более того, пассивное отношение, которого требует видение, слабо соотносится с активной природой мужчины. Для женщины это не сложно, у нее нет предубежденности против нерационального, нет потребности однажды и навсегда найти смысл всех вещей, нет склонности становиться активной, когда вокруг нее что-то происходит. У женщины, для которой бессознательное труднодоступно, которая не способна распознать его содержания, анимус может стать скорее помехой, чем помощью, если она будет пытаться понять и анализировать каждый всплывающий у нее образ еще до того, как он будет по-настоящему увиден. Только после того, как эти содержания вступят в сознание и, вероятно, уже обретут форму, долг анимуса – проявить свое влияние. Тогда, несомненно, помощь его будет бесценна, потому что он помогает нам найти и понять смысл.

Тем не менее, смысл, сообщаемый нам прямо из бессознательного – не

через образы и символы, а через вспышки озарения, - уже сформулирован в словах. Это, несомненно, самая характеристичная форма для анимуса. Хотя часто трудно понять, имеем ли мы дело со знакомым общезначимым и, следовательно, коллективным мнением или же с результатом индивидуального инсайта. Для того чтобы прояснить это снова необходимы сознательные суждения, а также тщательное различение между собой и анимусом.

Анимус в образах бессознательного

Чтобы показать, как анимус проявляется во внешнем мире и в сознании, я хотела бы обсудить образы, представляющие его в бессознательном, и то, как он проявляется во снах и фантазиях. Научиться узнавать эту фигуру и вести диалоги с ней - следующая важная ступень на пути различения себя и анимуса. Задача узнавания анимуса как образа и фигуры внутри психики приносит новые трудности. Это происходит из-за его многосторонности. От мужчин можно услышать, что анима почти всегда появляется в совершенно определенной форме, которая более или менее одинакова для всех мужчин: это мать или любимый человек, сестра или дочь, госпожа или рабыня, жрица или ведьма; в зависимости от ситуации она предстает в контрастных формах - темной и светлой, помогающей и деструктивной, как благородное существо или как низменное.

Напротив, для женщин анимус появляется как или разнообразие мужчин (например, группа отцов, совет, двор или другое собрание мудрых мужчин), или как меняющийся с быстротой молнии артист, способный принимать любую форму.

Я объясняю эту разницу следующим образом: мужчина в действительности воспринимает женщину только как мать, единственную возлюбленную и т.п., то есть всегда как нечто относящееся к нему лично. В этих формах женщины представляют себя, в них может осуществиться их судьба. Жизнь же мужчины, напротив, принимает более разнообразные формы, потому что его биологическая цель позволяет ему многие другие виды активности. В соответствии с более разнообразным полем мужской активности анимус появляется как представитель или мастер любого вида способностей или областей знания. Однако фигура анимы характеризуется тем, что все ее формы относятся к личным отношениям. Даже если анима появляется как жрица или ведьма, эта фигура всегда в специфических отношениях с мужчиной, чью аниму она воплощает, она вдохновляет или околдовывает

его. Снова вспомним о книге Райдера Хаггарда «Она», где эти особые отношения хорошо видны, так как делятся столетиями.

Но, как было сказано, фигура анимуса не всегда представляет отношения. В соответствии с фактической ориентацией мужчины и характеристикой принципа логоса, эта фигура может выйти на сцену в чисто объективном несвязанном виде как пророк, судья, артист, авиатор, механик и т.п. Не так уж редко он появляется в виде незнакомца. Возможно, эта форма особенно характерна, потому что для чисто женского ума к духу относится то, что кажется странным и незнакомым.

Способность принимать различные формы – характерное отличие духа, как и подвижность, способность преодолевать большие дистанции за короткое время (качества, относящиеся к свету или мысли). Это связано с упомянутым мышлением об исполнении желаний. Следовательно, анимус часто появляется как авиатор, шофер, танцор, лыжник, где выделяются легкость и скорость. Обе эти характеристики – переменчивость и скорость – могут быть найдены во многих мифах и сказках в качестве атрибутов богов и волшебников. Вотан, бог ветра и глава армии духов, уже упоминался; Локки, бог лжи; Меркурий в крылатых сандалиях также представляют этот аспект логоса – его живое подвижное нематериальное качество без фиксированных черт, динамизм, выражающий возможность формы, дух как таковой, который «веет так, что его слышно».

Во снах и фантазиях анимус появляется в основном как фигура реального мужчины: отец, любовник, брат, учитель, судья, пророк; или как колдун, артист, философ, ученый, архитектор; монах (особенно иезуит); или торговец, авиатор, шофер – в общем, как мужчина выдающихся умственных способностей или с другими мужскими достижениями. В позитивном смысле он может быть любимым отцом, очаровывающим любовником, понимающим другом, высшим помощником; или, с другой стороны, он может быть грубым и жестоким тираном, суровым наставником, моралистом, цензором, соблазнителем и эксплуататором и часто также псевдогероем, демонстрирующим смесь интеллектуальной талантливости и моральной безответственности. Иногда он представлен мальчиком, сыном или юным другом, особенно когда это отражает то, что собственный маскулинный компонент женщины находится в процессе становления. У многих женщин, как я сказала, у анимуса есть предрасположенность появляться в разных формах в виде советчика, выносящего суждения по всему, что происходит, дающего предписания и запреты, произносящего общезначимые идеи [6]. Появляется ли он как человек с меняющимися масками или как множество людей одновременно – зависит от естественных склонностей женщины или

от фазы ее развития.

Я не могу сейчас углубляться во множественные отдельные личные формы анимуса и, следовательно, заниматься сериями снов и фантазий, которые показывают, как они представляются внутреннему взору и как они проявляются в мире снов. Приведу примеры, в которых особенно ясен архетипический характер фигур анимуса, и которые в то же время указывают на развитие. Эти фигуры в серии снов женщин появляются, когда независимая психическая активность становится проблемой и образ анимуса начинает открепляться от человека, на которого он спроецирован.

... во сне появился птицеголовый монстр, чье тело было как надутый мешок или пузырь, способный принимать любую форму. Этот монстр владел мужчиной, на которого проецировался анимус, и женщину предостерегли, что он любит пожирать людей, и что если это произойдет, то человек не умрет, а продолжит жить внутри монстра.

Форма пузыря указывает на что-то, находящееся еще на первоначальной стадии: тела нет, есть только голова. Характерный орган анимуса дифференцировался. Это была голова существа воздуха; что касается остальных частей тела, то они могли быть любой формы. Прожорливость указывает на потребность в существовании и развитии в этом столь недифференцированном существе. Подобный атрибут жадности показан в Кхандогья Упанишаде [7], имеющей дело с природой Брамы. Там говорится:

Ветер воистину всепожирая, поскольку сгорающий огонь обращается в ветер, заходящее солнце превращается в ветер, уменьшающаяся луна превращается в ветер, испаряющаяся вода превращается в ветер. Ветер пожирает их всех. И то же можно сказать про божественное. И то же можно сказать про я. Дыхание воистину всепожирало, поскольку у спящего человека речь обращается в дыхание, глаза обращаются в дыхание, слух – также в дыхание, и в него же превращается ум (манас). Дыхание пожирает их всех. Это два великих Пожирателя: ветер в мире богов и дыхание в мире людей.

Вместе с этим птицеголовым созданием воздуха женщине являлся дух огня, элементаль, состоящий из огня и непрерывного движения, называющий себя сыном «низшей матери». Такая материнская фигура, в отличие от небесной светлой матери, воплощала первичное фемининное начало как силу, которая является тяжелой, темной, связанной с землей и сведущей в магии,

ведьминской, жестокой и часто действительно деструктивной. Ее сын тогда был бы хтоническим огненным духом, напоминающим Логи (или Локи) северной мифологии, представленного гигантом, наделенным творческой силой и в то же время хитрым, соблазняющим, обманывающим; его более поздним прототипом является дьявол. В греческой мифологии ему соответствует Гефест, бог огня и земли, но Гефест, будучи кузнецом, относится к контролируемому огню, тогда как северный Локи воплощает более примитивную ненаправленную силу природы. Этот земной огненный дух, сын низшей матери, близок женщинам и знаком им. Он выражает себя позитивно в практической активности, особенно в обращении с материей и мастерстве. Он выражает себя негативно в состоянии напряжения или прорывах аффекта, часто через сомнения и неконструктивно, он действует как сообщник первичного фемининного в нас, становясь подстрекателем или высшей силой в том, что мы обычно называем «дьявольским женским» или ведьминским искусством. Его можно характеризовать как низший логос в отличие от высшей формы, которая появляется как птицеголовое воздушное создание, соответствующее богу ветра и духа. Вотан или Гермес, ведущий души в ад. Ни один из них, однако, не рожден низшей матерью, оба относятся только к чему-то возвышенному, к небесному отцу. Этот мотив разнообразных форм возвращает нас к следующему сну, где увиденную картину можно озаглавить «Урго, волшебный дракон».

Змея или драконоподобное животное изображена на картинке вместе с девушкой, находящейся в его власти. У дракона есть возможность дотянуться до нее, куда бы она не попыталась убежать, так что у девушки нет возможности убежать. В любой момент он может вытянуться и сделать ее спасение невозможным.

Эта девушка, которую можно считать душой, чем-то вроде бессознательной индивидуальности - фигура, постоянно встречающаяся во снах и фантазиях. В приведенном сне у нее только темный контур с расплывчатыми чертами. Она все еще во власти дракона, каждое ее движение контролируется им так, что ее бегство невозможно. Однако в следующей фантазии, действие которой разворачивается в Индии, есть развитие.

Волшебник заставляет одну девушку исполнять танец перед королем. Загипнотизированная магией, девушка исполняет танец превращений, в котором, отбрасывая покров за покровом, она проходит цепочку

превращений в фигуры животных и людей. Но вот, несмотря на гипноз волшебника, на нее начинает влиять король. Она все больше входит в экстаз. Не отвечая на приказ волшебника остановиться, она продолжает танцевать и в конце отбрасывает свое тело как последний покров, и на землю падает скелет. Останки хоронят, из могилы вырастает цветок, из бутона которого появляется белая женщина.

Здесь снова есть мотив юной женщины, которая находится во власти волшебника и вынуждена подчиняться его приказам, не имея выбора. Но волшебник имеет оппонента в фигуре короля, который задает границы для магической власти и приводит к тому, что она танцует уже не по приказу, а по своей воле. Трансформация, ранее только намеченная, теперь становится реальностью, потому что танцовщица умирает и затем вырастает из земли в измененной и очищенной форме.

Двойственность фигуры анимуса здесь особенно важна: с одной стороны, он - волшебник, с другой - король. В волшебнике представлена низшая форма анимуса, она захватывает девушку и навязывает ей разные роли, тогда как король - высший принцип, ведущий к реальной трансформации, а не просто к намеку на нее. Важная функция высшего анимуса - быть истинным психопомпом, иницирующим и сопровождающим трансформацию души. Дальнейшая вариация этой темы отражена в следующем сне:

у девушки есть любовник-привидение, который живет на Луне и приходит с каждым новолунием - для совершения кровавой жертвы, на которую она обречена. Между его приходами она живет свободно среди людей как человек. Но с наступлением новой луны этот дух превращает ее в прожорливое животное, подчиняя силе, против которой невозможно устоять; она должна взбираться на одинокую вершину, принося жертву своему любовнику. Эта жертва, однако, трансформирует лунный дух, и он становится жертвенным сосудом, который съедает себя и снова возрождается, и сочащаяся кровь превращается в форму, подобную растению, из которой вырастает много цветных ростков и цветов.

Другими словами, через получаемую кровь, т.е. психическую энергию, духовный принцип теряет свой деструктивный и компульсивный характер и получает независимую жизнь, свою собственную активность.

Такой же принцип проявляется в хорошо известном образе Синей бороды, который дошел до нас в форме сказки. Синяя борода соблазняет женщин и убивает их для своих тайных целей. В следующем сне у него было другое

имя - Амандус.

Амандус приглашал девушек в свой дом, давал им вино, а после заточал в подземной камере, чтобы убить. Пока он готовился к этому, она преодолела его чары. Неожиданно в импульсе любви она обняла убийцу, и он немедленно потерял свою силу и растворился в воздухе, пообещав в будущем защищать ее как дух-хранитель.

Как заклинание лунного духа разрушается кровавой жертвой (жертвоприношением психической энергии), так и здесь девушка, обнимая ужасного монстра, разрушает его силу любовью.

В этих фантазиях я вижу свидетельства важной архетипической формы анимуса, для которой также есть мифологические параллели, например, в мифе и культе Диониса. Экстатическое вдохновение танца (в первой фантазии) и сопротивление девушки в истории о Синей бороде (Амандусе) являются феноменологической характеристикой культа Диониса. Здесь также именно женщины служат богу и наполняются его духом. Рошер [8] подчеркивает тот факт, что служба женщин Дионису была противоположна обычаю, согласно которому люди поклонялись богам своего пола.

В истории лунного духа кровавая жертва и трансформация девушки в животное являются темами, параллели для которых могут быть найдены в культе Диониса. Здесь животные приносились в жертву и разрывались на куски кровожадными менадами в их диком и вдохновленном богом безумии. Дионисийские праздники отличались от культа Олимпийских богов тем, что они происходили ночью в горах или лесах или, как в фантазии о подношении крови лунному духу ночью, на вершине горы. В этой связи вспоминаются некоторые знакомые персонажи литературы, например, Летучий Голландец, Крысолов, Водяной или Король эльфов из фольклора - все они использовали музыку, чтобы заманить жертв в свои водные или лесные царства.

«Незнакомец» в «Леди из моря» Ибсена - это еще одна подобная фигура из современных аналогов.

Давайте более близко рассмотрим Крысолова в качестве характерной формы анимуса. Сказка всем знакома: он выманил дудочкой крыс из всех дыр и углов, они пошли за ним, и не только крысы, но и дети, которые раньше отказали ему в признании; не в силах сопротивляться, они ушли за ним в горы. Это напоминает Орфея, который мог создавать лирой такие волшебные звуки, что за ним следовал всякий человек и животное. Это ощущение, что тебя манят и уводят на неизвестное расстояние в воду, лес, горы или даже в подземный мир, является типичным феноменом анимуса, его трудно

объяснить, потому что в отличие от других активностей анимуса, оно ведет не к сознанию, а к бессознательному (исчезновению в природе или подземном мире). Бог сна, погружающий любого, кого звук коснется, в глубокий сон, является похожим персонажем.

Подобная тема очень живо передана в пьесе Джеймса Барре «Мэри Роуз». Мэри Роуз сопровождает мужа на рыбалке и должна дожидаться его на маленьком острове, который называется «Остров, желающий быть посещенным». Но когда она ждет, она слышит свое имя, идет на голос и пропадает. Она снова появляется только по прошествии многих лет, и она убеждена, что была на острове лишь несколько часов.

Здесь изображено исчезновение в природе и подземном мире или отключение из-за бога сна, переживаемое обычным человеком, когда его психическая энергия уходит из сознания и внешней жизни, растворяется в некотором другом мире (мы не знаем, где именно). Когда это происходит, мир, в который мы уходим, относится к фантазии или сказочной земле, где все так, как нам бы хотелось, где компенсируется все, что нам не нравится в реальном мире. Часто эти миры так удалены, лежат в таких глубинах, что никакое воспоминание о них не проникает в бодрствующее сознание. Мы замечаем, вероятно, что нас куда-то увлекло, но не знаем, куда, и даже когда возвращаемся к себе, не можем сказать, что происходило в этом провале. Чтобы охарактеризовать форму духа, стоящего за этими явлениями, можно сравнить его эффект с музыкой. Часто притяжение и поглощенность, как в сказке о Крысолове, происходят под влиянием музыки. Т.е. музыка может быть понята как объективация духа; она не выражает знание в обычной логической интеллектуальной форме и не придает форму материи; вместо этого она дает чувственную презентацию наших глубочайших ассоциаций и неизменных законов. В этом смысле музыка есть дух, ведущий в темные области за пределами сознания; его содержание невозможно уловить словами (как ни странно, это легче сделать числами), хотя можно уловить непосредственно чувствами и ощущениями. Эти парадоксальные факты показывают, что музыка уносит нас в глубины, где дух и природа являются одним целым - или становятся снова целым. По этой причине музыка задает одну из самых важных и первичных форм, в которых женщина может переживать духовное. Поэтому музыка и танец являются важными средствами выражения для женщин. Ритуальные танцы, несомненно, основаны на духовных составляющих.

Это духовное вознесение в космическо-музыкальные области выводит из мира сознания, формирует противовес к сознательной ментальности женщин, обычно направленной только на очень буквальные и личные вещи. Этот опыт

поглощенности, однако, не безвреден, он может быть опасным. С одной стороны, он может быть не более чем уходом в бессознательное, погружением в сонное затуманенное состояние, регрессией к природе, эквивалентом регрессии к более примитивным уровням сознания, и, следовательно, бесполезным и даже опасным. С другой стороны, он может означать подлинно религиозный опыт, и тогда, конечно, он имеет большое значение.

В одном ряду с упомянутыми фигурами, показывающими анимус как таинственный, опасный аспект, есть фигура другого рода. В приведенных примерах это бог, охраняющий в своих руках голубую птицу души. Его задача, как охрана души, так и ведение ее к высшей сверхличностной форме анимуса. Этот высший анимус не позволяет превратить себя в функцию, подчиненную сознанию, он остается высшей сущностью и желает быть признанным и уважаемым как таковой. В индийской фантазии про танцовщицу этот высший маскулинный духовный принцип воплощен в фигуре короля; он дает приказы, но не как маг, а как высший дух, не принадлежащий ни земле, ни ночи. Он не сын низшей матери, а посланник далекого непознаваемого отца, сверхличного света.

Все эти фигуры имеют архетипическую природу [9], поэтому мифологические параллели тоже являются внеличными, сверхличными (даже если они одной стороной повернуты к индивидууму и связаны с ним).

С ними проявляется персональный анимус, относящийся к ней как личности; т.е. маскулинный или духовный элемент, соответствующий ее природным талантам и способный развиваться в сознательную функцию или отношение, координированное с целостностью ее личности. Он появляется во снах как мужчина, с которым она соединяется или чувствами, или кровно, или общими делами. Здесь снова можно найти формы высшего и низшего анимуса, иногда распознаваемые по позитивным и негативным знакам. Иногда это долгожданный друг или брат, иногда наставляющий ее учитель, священник, танцующий с ней ритуальный танец, или художник, рисующий ее портрет. Как в той пьесе, где рабочий по имени Эрнст приходит пожить в ее доме, и лифтер Константин помогает ей. Ей предстоит поругаться с хулиганской молодежью, проявить внимательность к иезуиту, и ей предлагает всякие удивительные вещи мефистофелеобразный торгаш. Совсем иная фигура здесь - «незнакомец», который вдруг появляется. Это новый человек, кажущийся знакомым, хотя они не никогда встречались, который приносит послание или приказ от далекого Принца Света.

Со временем фигуры такого типа становятся знакомыми формами, как это бывает во внешнем мире с людьми, к которым вы близки или которых часто

встречаете. Вы учитесь понимать, почему эта фигура появляется именно сейчас. Вы можете поговорить с ними и попросить их помощи или совета; не менее часто бывает необходимо защищать себя от их настойчивости или раздражения на неподчинение им. И нужно быть внимательным и не допустить, чтобы та или иная форма анимуса претендовала на первенство и доминирование над личностью - чтобы отличить себя от анимуса и резко ограничить сферу его власти. Это чрезвычайно важно, ведь только так можно защитить себя от роковых последствий идентификации с анимусом и одержимости им. Рука об руку с этим различием идет рост сознания и реализация истинной Самости, которая теперь становится решающим фактором.

Пока анимус является сверхчеловеческой сущностью, т.е. духом, общим для всех женщин, он может быть соотнесен с индивидуальной женщиной как гид души или полезный гений, но не может быть подчинен ее сознательному уму. В отношении персонифицированных проявлений анимуса (брат, друг, сын или слуга) ситуация отличается. Когда женщина сталкивается с одним из аспектов анимуса, ее задача - создать пространство для него в своей жизни и личности и инициировать некоторое взаимодействие с принадлежащей ему энергией. Обычно наши таланты, хобби и т.п. уже содержат намеки на направление, в котором эта энергия должна проявиться. Часто также сны указывают на правильное решение, и в соответствии с природными наклонностями индивидуума в них будет содержаться намеки, например, на исследования, книги, художественные и другие творческие работы. Но предлагаемые меры - всегда объективного практического характера, в соответствии с маскулинной сущностью, которую анимус представляет. Требуемое здесь отношение (состоящее в том, чтобы делать что-то ради себя, а не для другого) – принятие своей женской природы. И оно часто может быть достигнуто только с усилием. Но именно такое отношение необходимо, потому что иначе требование, являющееся частью природы анимуса и поэтому оправданное, пробьется другими путями - заявлениями, которые не только неуместны, но и приводят к негативным последствиям. Кроме этой своей активности, анимус может и должен помочь нам достичь знания и более внеличного и разумного видения вещей. Для женщин с их автоматической и часто слишком субъективной симпатией такое достижение необходимо; оно может помочь не столько в поле отношений с другими, сколько для самой себя. Например, ее собственный маскулинный компонент может помочь ей понять мужчин; т.к. даже если автоматически функционирующий анимус с его неправильной «объективностью» и мешает человеческим отношениям, но он все же важен для ее собственного развития,

он помогает женщине занять более объективную неличностную позицию. Таким образом, видно, что сила анимуса может проявляться не только в интеллектуальных делах; прежде всего он делает возможным развитие духовного отношения, которое освобождает нас от ограничений и плена узкой личной точки зрения. И какое удовольствие и помощь он предлагает нам, поднимая нас от наших личных проблем к сверхличным мыслям и чувствам, которые делают наши неудачи тривиальными и неважными! Чтобы достичь этого и суметь выполнить намеченные задачи, прежде всего, требуется дисциплина, и это трудно для женщин, поскольку они ближе к природе, чем мужчины. Безусловно, анимус является духом, который не позволяет себя впрячь в повозку как лошадь. Его характер имеет много от элементарного существа; так, анимус может тяжело плестись за нами в летаргии или смущать нас неуправляемыми судорожными вдохновениями, или даже целиком уносить нас в воздух. Необходимо твердое руководство над этим нестабильным ненаправленным духом, чтобы заставить его подчиниться и работать ради цели.

Для женщин сегодня существуют разные пути. Я имею в виду тех женщин, которые через учебу или художественную и профессиональную деятельность приучают себя к дисциплине еще до того, как они осознают проблему анимуса как таковую. Для них (если они достаточно способны) идентификация с анимусом вполне возможна. Однако, как я наблюдала, при самой успешной профессиональной активности часто возникает проблема «как быть женщиной». Обычно она появляется в форме неудовлетворенности, потребности в личных, нередко субъективных ценностях, потребности в природе и феминности в целом. Очень часто эта проблема возникает также потому, что эти женщины, сами того не желая, оказываются вовлечены в сложные отношения или случайно спотыкаются о типично женские ситуации и не знают, как поступать. Тогда их дилемма подобна той, что бывает у мужчин в отношении анимы, т.е. им трудно пожертвовать тем, что считается высшим человеческим достижением или, по меньшей мере, преимуществом. Они должны принять свою феминность - нечто менее ценное, слабое, пассивное, субъективное, нелогичное, связанное с природой.

Но в перспективе эти различные пути предполагают одну цель, и, какой бы дорогой мы не пошли, опасности и трудности одни и те же. Те женщины, для которых интеллектуальное развитие и объективная активность только вторичны по важности, также находятся в опасности поглощения анимусом, т.е. идентификации с ним. Следовательно, очень важно иметь противовес, который сдерживал бы бессознательное и держал бы эго связанным с землей

и с жизнью.

Решение, прежде всего, в усилении сознания и в более прочном ощущении своей индивидуальности: во-вторых, в работе, в которой можно приложить умственные силы; в-третьих, в отношениях с другими, которые создают оплот или противовес сверх- или не-человеческому анимусу. В связи с этим имеет значение отношение женщин к другим женщинам. У меня была возможность наблюдать, что при обострении проблем анимуса многие женщины начинают демонстрировать интерес к другим женщинам, растет потребность и интерес к отношениям с другими женщинами. Возможно, в этом лежит начало женской солидарности, которая теперь становится возможной через растущее сознание общей для них опасности. Научиться признавать женские ценности - первое условие для удержания наших позиций против маскулинного принципа, могущественного и внутри, и снаружи. Если он захватывает власть, он угрожает как раз той сфере женщины, в которой она может постичь, что для нее реально, и что она делает лучше всего – несомненно, он угрожает всей ее жизни.

Но когда женщинам удастся интегрировать анимус, а не стать поглощенными им, тогда он перестает быть только угрозой и становится творческой силой. Нам, женщинам, нужна эта сила. Как ни странно это может показаться, но только когда маскулинная сущность становится интегрированной частью души и выполняет соответствующие ей функции, только тогда женщины могут стать действительно женщинами в высшем смысле, и в то же время быть собой, исполняя свое личное человеческое предназначение.

Примечания:

1. К.Г. Юнг «Психологические типы», гл.11, пар.48, 49; см. также «Отношения между эго и бессознательным», гл.2.
2. Про концепцию психической реальности см. работы К.Г. Юнга, особенно «Психологические типы», гл.1.
3. См. книгу Эстер Хардинг «Путь всех женщин», 1933.
4. Л. Леви-Брюль «Первобытное мышление», 1923; «Первобытная душа», 1928.
5. К.Г. Юнг «Психологические типы», гл.11, пар.30.
6. Замечательные примеры фигур анимуса можно найти в популярной литературе, см. R. Fraser “The Flying Draper”, 1924; R. Anstrey, 1930; M. Hay “The Evil Vineyard”, 1924; T. Flournoy “From India to the Planet Mars”, 1900.
7. «Кхандогья» из The Upanishads, 1900, p.58.
8. См. статью «Дионис» из «Словаря греческой и римской мифологии» Рошера.

9. К.Г. Юнг «Психологические типы», гл.11, пар.26; также см. «Два эссе по аналитической психологии», 1953, гл.2, с.135

АНИМА – ЭЛЕМЕНТАРНОЕ СУЩЕСТВО

Представление об элементарных существах, обитающих в воде и в воздухе, в земле и огне, в животных и растениях, является очень древним и распространено по всему миру, как мы можем увидеть это из многочисленных примеров в мифологии и сказках, фольклоре и поэзии. Так как в этих представлениях обнаруживается поразительное сходство, не только между ними, но также с фигурами из снов и фантазий современных людей, мы можем сделать вывод, что в их основе должны лежать более или менее постоянные факторы, которые всегда и везде проявляют себя одинаково.

Исследования глубинной психологии показали, что образы и фигуры, порожденные спонтанной, мифообразующей способностью психики, не должны рассматриваться как просто воспроизводящие или пересказывающие внешние явления. Они являются также выражением внутренних психических фактов и поэтому могут считаться одним из видов психической саморепрезентации. Эта идея также может быть применена к элементарным существам, и, следовательно, мы должны спросить – отражается ли в них анима и каким образом? К сожалению, всесторонний обзор материала здесь не представляется возможным. Я могу привести только несколько примеров и обсудить в связи с ними те аспекты, которые кажутся мне важными в данном контексте. Поэтому среди всех элементарных существ – великанов, гномов, эльфов, и т. д. – я буду рассматривать только тех, которые либо из-за своего женского пола, либо из-за отношения к мужчине могут считаться олицетворением анимы. Как хорошо известно, анима представляет собой женский аспект личности мужчины и в то же время его представление о женской сущности в целом, другими словами, архетип женственности. Следовательно, эти фигуры будут считаться фигурами анимы только тогда, когда они будут содержать типичные и ясно распознаваемые женские черты, и мы будем придавать особое значение этим чертам в надежде получить понимание природы анимы в целом. Наиболее подходят для нашего

исследования такие существа, как нимфы, девушки-лебеди[i1] , русалки и феи, знакомые нам по множеству легенд и сказок. Как правило, их красота соблазнительна, но они только наполовину люди: у них рыбий хвост, как у русалок, или они превращаются в птиц, как девушки-лебеди. Обычно они появляются не поодиночке, а группами, особенно часто втроем; недифференцированный анимус тоже обычно появляется не один. Своим обаянием или очаровательными песнями эти существа (сирены, Лорелея[i2] и т.д.) привлекали мужчин в свое царство, где они исчезали навсегда; еще очень важный момент – они пытались связать мужчину путами любви, чтобы жить с ним в его мире. В них всегда есть что-то сверхъестественное, и существует связанное с ними табу, которое не должно нарушаться.

Фигура девушки-лебедя чрезвычайно древняя и является, по сути, мифологической. Она возникла в древности и появляется в сказаниях и легендах по всему миру. Возможно, самым ранним упоминанием о ней является история Пурурава и Урваси[i3] , которую мы находим в одном из наиболее древних ведических писаний Риг-Веда (1), а более ясное и детальное ее описание – в Сатапата-Брахмана (2). Я представлю ее сокращенную версию.

Нимфа Урваси (апсара) (3) полюбила Пурурава и согласилась выйти за него замуж при одном условии. Она сказала: «Трижды в день ты должен обнимать меня, но не ложись со мной против моего желания и не позволяй мне видеть тебя обнаженным, поскольку именно так ты должен вести себя с нами, женщинами».

Прожив с ним несколько лет, она забеременела, и Гандхарва, считая, что она достаточно долго задержалась среди людей, придумал способ ее вернуть. К ее кушетке привязали овцу с двумя ягнятами, чтобы каждую ночь красть по одному ягненку. Услышав ночью шум, она закричала: «Увы, они забирают моего любимого, как будто здесь нет героя и нет мужчины!»

Услышав это, Пурурава вскочил как спал – без одежды, – чтобы поймать грабителей, и в это мгновение Гандхарва произвел вспышку света, чтобы Урваси увидела своего мужа «как при дневном свете». Таким образом, одно из ее условий было нарушено, и, когда Пурурава возвратился, она исчезла. В отчаянии он бродил по стране, надеясь снова найти Урваси, и однажды пришел к озеру с лотосами, «в нем плавали нимфы в образе лебедей», и среди них была она. Увидев Пурурава, она приняла человеческий облик. Узнав ее, он стал умолять: «О, моя жена, останься, беспощадная: давай поговорим сейчас! Будучи невысказанными, наши секреты не принесут нам

радости...»

Она ответила: «Какой смысл мне говорить с тобой? Я исчезла как первая заря. Пурурава, иди снова домой: я словно ветер, который трудно поймать...»

Печально он промолвил: «Тогда твой друг умчится из этого дня и никогда не вернется, он уйдет в самые дальние дали...» (дикую местность, населенную волками).

Она ответила: «Пурурава, не умирай! Не убегай! Не дай жестоким волкам сожрать тебя! Воистину, с женщинами нет дружбы, и их сердца – сердца гиен...» Она добавила, что когда она была среди смертных, она ела немного жертвенного жира каждый день и все еще чувствует себя насыщенной им. Но, в конце концов, ее сердце сжалилось, и она сказала, чтобы он вернулся через год. Тогда родится их сын, и она ляжет с мужем в постель на одну ночь. Когда он пришел через год, там стоял золотой дворец. Ему было сказано войти в него, и к нему привели его жену. На следующее утро Гандхарва предложил ему покровительство, и, по совету Урваси, он попросил, чтобы его сделали одним из них, и они исполнили его желание. Но сначала он должен был принести жертву, для этой цели Гандхарва положил огонь в чашу и дал ему. Он отнес огонь и рожденного сына обратно в свою родную деревню. Потом он нашел подходящие поленья для священного огня, зажег их так, как предписал Гандхарва, и сам стал Гандхарва.

В этой древней легенде есть типичные черты, которые мы находим в более поздних версиях в разных странах. Например, союз с таким существом включает в себя определенные условия, невыполнение которых может привести к смерти. К примеру, в этом рассказе Урваси не должна была видеть Пурурава без одежды. Похожий запрет существует в известной истории Купидона и Психеи (4). Но Психее запрещено видеть своего божественного мужа; в отличие от этого, Урваси не хочет видеть человека Пурурва обнаженным, то есть не хочет признавать его реальность. Даже если это условие нарушается непреднамеренно, это приводит к возвращению нимфы в свою стихию. Когда она говорит, что она сыта кусками жертвенного жира, который она съела во время своего пребывания с Пурурва, это означает, что человеческая реальность ей не по вкусу; более того, когда она возвращается в свой собственный мир, она забирает с собой своего мужа. Конечно, здесь еще упоминается ее сын, который был рожден после ее исчезновения и которого Пурурава потом приносит домой; таким образом, от их союза появляется что-то относящееся к человеческому царству, но больше об этом ничего неизвестно (5).

Отношения Пурурава и божественной нимфы заметно разнятся: он с человеческими чувствами сокрушается о потере своей возлюбленной, пытается снова ее найти и поговорить с ней, а ее слова, когда она говорит, что у женщин сердца гиен – проявление бездушного элементарного существа, которое осуждает само себя.

Что касается интерпретации девушки-лебеди, то по теории, в которой мифологические образы рассматриваются как выражение природных сил и событий, это туман, который парит над водой и затем, поднимаясь, конденсируется в облака и движется по небу как лебеди. Даже с психологической точки зрения сравнение этих фигур с туманом и облаками является правильным: пока бессознательное содержание остается бессознательным, оно не имеет четких очертаний и может меняться, переходить в разные формы и трансформироваться. Только когда формы появляются из бессознательного и схватываются сознанием, они становятся отчетливо и ясно распознаваемы, и только тогда про них можно сказать что-то определенное. В самом деле, лучше не изображать бессознательное как реальную область, с четко определенным, якобы точным содержанием; такой подход полезен лишь тогда, когда он помогает привести неизвестное содержание ближе к нашему пониманию. В гипнотических видениях бессознательное содержание часто появляется сначала в виде облака, которое обретает определенную форму позже. Что-то похожее на это парило перед взором Гете, когда Мефистофель описывал царство Матерей Фаусту:

«...Из мира форм рожденных

В мир их прообразов перенесись.

В следы существований прекращенных,

Давным-давно прервавшихся, всмотришься.

Но, чтобы их держать на расстоянии,

Размахивай своим ключом в тумане» (6) .

Из этого мы можем сделать вывод, что женственность, представленная нимфой Урваси, является еще слишком неопределенной и бестелесной, чтобы существовать постоянно и осознавать себя в человеческом царстве, то есть в бодрствующем сознании. Ее слова («Я исчезла как первая заря... Я словно ветер, который трудно поймать...») также указывают на ее иллюзорный, подобный ветру, характер, который соответствует природному духу и производит впечатление мифической нереальности.

На эту историю очень похожа ирландская легенда «Dreams of Oenghus[i4] », относящаяся к восьмому столетию (7).

Оэнгус, который сам был мифического происхождения, однажды увидел во сне прекрасную девушку, приближающуюся к его кровати, но как только он захотел взять ее за руку, она ускользнула от него. Следующей ночью девушка пришла снова, в этот раз у нее в руке была лютня, «самая сладкозвучная, которая когда-либо существовала», и она сыграла ему мелодию. Так продолжалось целый год, и Оэнгус заболел «изнурительной болезнью». Но доктора поняли, в чем его проблема, и по всей Ирландии были посланы гонцы за девушкой, которая, как сказали доктора, была ему предназначена. В конце концов, они обнаружили, что ее отец был королем волшебного холма, и что один раз в году она превращалась в лебедя. Чтобы встретить ее, Оэнгус должен был прийти в определенный день к конкретному озеру. Прибыв туда, он увидел сто пятьдесят лебедей над водой, связанных попарно серебряными цепями. Оэнгус позвал свою возлюбленную из сна по имени, она узнала его и сказала, что выйдет на берег, если он пообещает, что она снова сможет вернуться в озеро. Когда он пообещал, она вышла к нему, и они обнялись. Потом «они уснули в образе двух лебедей и три раза прошли вокруг озера, чтобы он не нарушил своего обещания». Затем они взлетели в небо как две белые птицы, улетели (в замок его отца) и пропели хором великолепную песню, которая усыпила людей на три дня и три ночи. «После этого девушка осталась с ним».

Мифический характер этой истории очевиден. То, что неизвестная возлюбленная Оэнгуса является к нему сначала во сне, что она была предназначена для него и что он не может жить без нее – все это обстоятельства, которые, безусловно, указывают на аниму, его вторую половинку. Он завоевывает ее, принимая ее условия и позволяя ей на некоторое время возвращаться в воду; более того, он сам становится лебедем. Другими словами, он старается встретиться с ней в ее собственной стихии, ее *niveau*, чтобы сделать ее своей навсегда – поведение, которое также доказывает психологическую ценность анимы. Волшебная песня двух лебедей есть выражение того факта, что два существа противоположной природы, которые в то же время предназначены друг другу, теперь объединены в гармонии.

Скандинавские валькирии являются архаичными и мифическими девушками-лебедями несколько другого вида. Их называют валькириями потому, что они служат Одину: возвращают воинов, павших в битве, и приносят их в Валгаллу (у древних германцев и скандинавов это рай, куда попадают воины, погибшие в битве) (8). Они также вносят вклад в победу и

поражение, что явно говорит о том, что они имеют отношение к Норне (одна из трех богинь судьбы в скандинавской мифологии), которая закручивает и обрывает нити судьбы. С другой стороны, когда валькирии в Валгалле протягивают герою рог для вина, то исполняют обычную функцию обслуживающей прислуги. В то же время, предложение напитка – это символический жест, который также выражает отношение и взаимосвязь; это мотив, который часто появляется, когда фигура анимы наполняет чашу мужчины зельем любви, вдохновением, трансформацией или смертью. Валькирий также зовут «Девами, исполняющими желания» (9), иногда кто-то из них становится, как Брунгильда, женой или возлюбленной великого героя, которому она помогает и которого защищает в бою.

В этих полубожественных созданиях мы можем отчетливо видеть архетипический образ анимы, который присутствует в жестоких и воинствующих мужчинах. Более того, про валькирий говорят, что их главная страсть – это сражение. Как и анима, они воплощают мужское желание и стремление; их женская часть, будучи обращена к битве, появляется в воинственной форме. Хотя обычно валькирии считаются всадницами, они также способны «двигаться в воздухе и в воде» и принимать образ лебедя (10).

Одна из старинных песен Эдда «Песня Вейлэнд[i5] » (11) начинается с темы девушки-лебедя:

*«Девы прилетели с юга
В мрачный лес,
Молодые девушки-лебеди
Разожгли битву.
Там, на границе озера,
Они недолго отдохнули.*

*Эти девы с юга
И сплели прекрасный лен» (12).*

В песне не говорится прямо, но об этом можно догадаться, что, как и в других историях, Вэйлэнд и его братья украли одежду девушек-лебедей, чтобы те не смогли улететь. Затем каждый из братьев взял себе одну из дев и

*«Они остались после
Семи зим,
Задержавшись на восьмую зиму,
Все влюбленные;
Но на девятую зиму,*

*Принуждаемые долгом,
Девы пожелали
Уйти в мрачный лес;
Молодые девушки-лебеди
Разожгли битву».*

Они улетели, и два брата пошли искать их, а Вэйлэнд[i6] остался дома, изготавливая золотые кольца и ожидая их возвращения. Больше об этом в песне ничего не говорится, и она продолжается другой темой.

Здесь важно отметить, что девы чувствуют сильное желание сражаться и, улетая, увлекают за собой братьев. На языке психологии это означает, что стремление к чему-то новому и к переменам, прежде чем явно проявиться в сознании, сначала появляется в бессознательном, обычно в форме эмоциональной суеты, неясных импульсов или необъяснимого настроения. Когда это случается, как в «Песне Вэйлэнд» и во многих других легендах, через женщину, это означает, что бессознательное побуждение переведено в сознательное с помощью женского элемента в мужчине, т.е. через его аниму. Это проявляется как импульс либо как интуиция, открывая новые возможности для мужчины и ведя его к новому пониманию. Когда девушка-лебедь хочет спровоцировать битву, она играет характерную роль анимы *femme inspiratrice* (женщина-вдохновительница), несмотря на то, что на примитивном уровне «работа», на которую вдохновляется мужчина – это сражение.

В поэзии средневековья женщинам тоже отводится подобная роль, но в более изысканной форме. Рыцарь сражается за даму на турнире, нося ее символ, например, платок дамы, на своем шлеме; ее присутствие воспламеняет его и повышает его отвагу; за победу она дарует награду, и часто эта награда – ее любовь. Но она также может быть жестокой и требовать бессмысленных и сверхчеловеческих подвигов от своего рыцаря в качестве знака его покорности (13).

По описаниям, у Графа Уильяма IX Поитирс[i7], первого трубадура, портрет его возлюбленной был нарисован на щите. Однако интересно отметить, что в поэзии трубадуров источник вдохновения постепенно сместился от сражений к другим вещам.

Имя Леди Приключение (*Frau Adventure*) – еще одно доказательство мужской тяги к приключениям, воплощенной в женском образе.

Еще одна особенность девушки-лебедя – она может предсказывать будущее (14). Валькирии, закручивая нити фортуны сражения (15) и влияя таким

образом на судьбы, напоминают Норну. В свою очередь, Норна, которую также называют Вурд, Верданди, и Скулд[i8] (16), воплощает естественный процесс жизни, рождения и смерти.

У кельтов похожие особенности приписываются феям, название которых связано с *fatum* (17) и которые любят появляться среди деревьев. Часто случается, что добро, подаренное первыми двумя феями, нейтрализуется третьей – это характерная черта, также напоминающая Норну или Парки (римская богиня судьбы).

В истории о Нибелунгах (18) говорится о том, что в своем путешествии к Королю Этзэлу[i9] Нибелунги пришли к водам Дуная, и Хаген[i10] пошел вперед, чтобы найти переход. Там он услышал всплески воды и, подойдя ближе, увидел «*wīsiu wīr*» (мудрых женщин), купающихся в прекрасном источнике. Подкравшись, он забрал и спрятал их одежды. Одна из женщин пообещала ему рассказать, что случится с ними в путешествии, если он отдаст им одежду.

«Они держались на воде перед ним, как морские птицы.

Ему казалось, что их предсказание должно быть хорошим.

Что бы они ни сказали ему, он должен им верить» (19).

Здесь мудрые женщины, напоминающие морских птиц, тоже появляются как предсказатели будущих событий.

Хорошо известно, что германцы приписывали женщинам дар предвидения и поэтому особо уважали и даже почитали их. Сам Один идет к предсказательнице Вала, чтобы узнать о своей судьбе. Такитус[i11] (20) упоминает предсказательницу по имени Веледа, которая имела большой авторитет в своем племени Бруктеров; ее привезли в Рим в качестве пленной во времена Веспасиана[i12], и Юлий Цезарь говорил, что среди германцев это было обычным делом «для матерей семейств – гадать, бросая жребий, и предсказывать, надо ли идти в бой...» (21).

Среди греков и римлян эта функция выполнялась Пифией и сивиллами. Этот обычай сохранялся на протяжении долгого времени, как мы это видим из истории о Карле Великом[i13], о котором рассказывает Гримм (22) из манускрипта Лейдена[i14] тринадцатого века. В легенде объясняется происхождение имени Акен[i15] (от Аквисгранум[i16]) и говорится следующее:

У Карла Великого была мудрая женщина, «волшебница или фея, которую также называли нимфой, богиней, или дриадой» (23); он занимался с ней

любовью, и она была жива, когда он был с ней, и умирала, когда он уходил. Однажды, когда он наслаждался ею, он увидел золотое зерно у нее на языке. Он отрезал его, и сразу после этого нимфа умерла и никогда больше не возвращалась к жизни.

Эта история о нимфе напоминает о таинственной надписи на надгробном камне Аэлы Лаэлы, описанной К.Г. Юнгом в «Болонской Загадке[i17] » (24).

Если мы зададимся вопросом, почему ясновидение и искусство предсказания обычно приписываются женщине, то можно ответить, что она, как правило, более открыта бессознательному, чем мужчина. Восприимчивость – это женская способность, подразумевающая открытость, поэтому Юнг (25) определил это как великий секрет женственности. Более того, женская ментальность более расположена к иррациональности, чем рационально ориентированное мужское сознание, которое имеет тенденцию отрицать все, что не имеет причины, и таким образом защищает себя от бессознательного. В диалоге «Федр» Платон критикует такой слишком рациональный подход, особенно в отношении любви, и восхваляет подход иррациональный, даже безрассудный, поскольку он может быть божественным даром. Он упоминает разные его виды:

1. Пророчество Пифии, когда она дала совет, важный для благополучия государства. Говоря о нем, он отмечает: «... Дельфийская предсказательница и жрицы Додоны[i18] , впад в беспамятство, принесли большую пользу для Эллады, как в общественной, так и в личной жизни, но находясь в сознании, они не были полезны» (26).
2. Дар пророчества сивиллы, которая предсказывает будущее.
3. Безумие (enthousiasmos), вдохновленное Музой.

Пифия, сивиллы и Муза – женские создания, и они могут быть связаны с северными провидицами; их высказывания имеют иррациональный характер и похожи на безумие с точки зрения разума или логоса. Такие способности, однако, встречаются не только у женщин: всегда существовали также и предсказатели-мужчины; они были способны к этому благодаря женским качествам, открытой позиции, которая делала их чувствительными к влиянию обратной стороны сознания.

Из-за того, что анима, женский аспект психики мужчины, обладает такой восприимчивостью и отсутствием предубеждения по отношению к иррациональному, она является посредником между сознанием и

бессознательным. Эта женская позиция особо важную роль играет у творческих мужчин; недаром мы говорим «зачатие идеи, вынашивание мыслей, их рождение или высиживание».

Мотив девушки-лебедя появляется также в многочисленных сказках (27); сказка «Охотник и Девушка-лебедь» может послужить тому примером:

Однажды лесник по следам оленя пришел к озеру и увидел, что туда прилетели три белых лебедя. Они тут же превратились в трех прекрасных дев и стали купаться в озере, но спустя некоторое время вышли из воды, превратились в лебедей и улетели. Он не мог забыть этих дев и решил жениться на одной из них. Три дня спустя он вернулся на озеро и снова увидел, как они купаются. Он потихоньку подкрался и взял оставленную на берегу накидку младшей из них. Дева умоляла его вернуть накидку, но он притворился глухим и понес накидку домой, и деве пришлось последовать за ним. Ее приняли доброжелательно, и она согласилась выйти замуж за охотника. Он отдал накидку лебедя своей матери, и мать спрятала ее в сундук. Однажды, после нескольких лет счастливой совместной жизни, мать, убираясь, нашла этот сундук и открыла его. Как только молодая женщина увидела свою лебединую накидку, она быстро обернула ее вокруг себя и улетела со словами: «Кто захочет снова меня увидеть, должен прийти к стеклянной горе, которая стоит на сияющем поле» (28). Несчастный охотник пошел ее искать и с помощью друзей-животных, после множества трудностей, наконец, нашел ее; а когда узнал, что она была заколдована, освободил ее.

Я пересказала эту историю довольно подробно, потому что она содержит новую и очень важную идею о спасении. Потребность девушки в избавлении от колдовских чар говорит о том, что облик лебедя – не главный фактор, а второстепенный, как и одежда, за которой прячется принцесса. За обликом животного скрывается высшее существо, которое должно быть освобождено и с которым герой в итоге соединится.

Появляющаяся во многих сказках принцесса, которую надо освободить, явно указывает на аниму. Часто в сказке говорится, что прежде лебедь был девушкой-принцессой, и это наводит на мысль, что изначальное состояние единства и целостности, которое было разрушено колдовством, должно быть сейчас восстановлено. Идея, что первоначальное совершенство было разрушено (либо греховным поступком людей, либо завистью богов) – очень древнее представление, являющееся основой многих религиозных и философских систем. Примерами служат Библейская история о падении

человека, идея андрогинного первочеловека Платона, который был разделен на две части, гностическая история Софии, заключенной в материю.

В психологических терминах мы говорим, что требования жизни и развитие сознания разрушают первоначальную целостность ребенка. Например, в развитии мужского эго-сознания не учитывается женская часть души, и таким образом она остается «в первобытном состоянии». То же самое происходит и при разделении психологических функций: так называемая подчиненная функция остается «позади», и в результате становится неопределенной и бессознательной. По этим причинам анима у мужчин обычно остается бессознательной. Освобождение достигается путем признания и интеграции этих неизвестных частей души.

В сказке «Украденная вуаль» (29) эта идея представлена в новом виде, характерном для романского периода. В этой истории из Шваненвильд[i19] (30) (горы в Саксонии, где, по слухам, спрятан источник, дающий красоту) содержатся типичные черты, которые мы уже упоминали. Однако вместо лебединого наряда из купальни крадутся вуаль и кольцо.

Герой-рыцарь забирает вуаль к себе домой, где должна состояться его свадьба; и в этой сказке он также отдает вуаль своей матери. Потом, в день свадьбы, невеста плачет о том, что у нее нет вуали, и мать приносит ей эту вуаль; после этого, невеста, надев вуаль и корону, немедленно превращается в лебедя и улетает в окно.

История слишком длинная, чтобы детально ее описывать. Однако стоит отметить, что мать, явно с добрыми намерениями, снова является тем человеком, которая отдает невесте одежду и таким образом является причиной ее исчезновения.

Так как разлука пары является следствием действий матери, можно сделать вывод о скрытом соперничестве между матерью и анимой, что часто встречается в реальности. С другой стороны, эта характерная черта также может рассматриваться как тенденция «Великой Матери», то есть бессознательного – возвращать то, что принадлежит ей.

Королевское происхождение девушки-лебедя, о котором свидетельствует ее корона, говорит о ней как о существе высшего порядка; это может рассматриваться как сверхчеловеческий, божественный аспект анимы. В то же время, во многих сказках фигура заколдованной принцессы может интерпретироваться с точки зрения женской психологии. В этом случае она представляет высший аспект женщины, ее Самость (31). Что касается образа птицы, то она, будучи созданием воздуха, символизирует не только качества

природного существа, но также содержит намек на неосознанный духовный потенциал.

Другое элементарное существо, особо популярное и древнее – это русалка, предмет сказок, легенд и фольклора всех времен, ее фигура стала для нас привычной из-за бесчисленных образов. Она также служит вдохновением для современных поэтов (32) и часто появляется во снах.

Древнее название таких водных созданий, особо любимое поэтами тринадцатого века, это «Merminne» (33) или «Merfei». [i20] Из-за их дара предвидения, как у девушек-лебедей, и знания природы их также называют «wisiu wip» (мудрые женщины). Но в целом, как мы видим, преобладают другие факторы, и в первую очередь фактор эроса. Это видно из движения, известного как Frauendienst или Minnedienst,[i21] которое возникло между двенадцатым и тринадцатым веком и которое отражало новое отношение к женщинам и к эросу. Как мы видим из поэзии того периода, среди причин, повлиявших на эволюцию взгляда на женщин, важным было усиление активность анимы (34).

Будучи женственной по сути, анима, как и женщина, преимущественно обуславливается эросом, то есть принципом соединения и отношений, в то время как мужчина в большей степени привязан к причине, к логосу – различающему и регулирующему принципу.

Таким образом, у Merminne[i22] и ее спутниц всегда были любовные отношения с мужчинами, или же они пытались завязать их – это является их основной женской целью. В этом отношении они отличаются от девушек-лебедей, которые в большинстве своем не искали таких отношений по собственной воле, но благодаря уловкам мужчин, укравших их одежды, попадали в их власть. Поэтому они пытаются сбежать при первой возможности. Такие отношения являются преимущественно инстинктивными, им не хватает психологического побуждения или другого смысла, кроме инстинктивного. Для мужчины обладание женщиной, добытое силой – явный знак того, что его эротическое отношение находится на абсолютно примитивном уровне. Поэтому для элементарного существа вполне разумно, связав себя с таким мужчиной, просить, чтобы он не причинял насилия, не поднимал руку и не говорил грубостей.

Легенды о водяных феях и русалках широко распространены, особенно в районах с кельтским населением. Во многих местах эти истории связаны с определенными местами и семьями, в частности в Уэльсе, Шотландии и Ирландии, где в них верили вплоть до недавнего времени.

Из многочисленных историй я приведу одну легенду из Уэльса, записанную Джоном Рис (35), известным собирателем и исследователем кельтского

фольклора.

Описанные события предположительно происходили в конце двенадцатого века в деревушке Карматеншир в Уэльсе. Там жила вдова со своим сыном. Однажды, пася свой скот в полях, он пришел к небольшому озеру, где, к своему удивлению, увидел «наиболее прекрасное создание, которое когда-либо видели смертные глаза... девушку, сидящую на спокойной поверхности воды... которая причесывала свои локоны, используя прозрачную воду как зеркало». Внезапно она поймала взгляд молодого человека, который смотрел на нее неотрывно и, держа в руках кусочек хлеба, надеялся выманить ее на берег. Она подошла, но отказалась от хлеба, потому что он был слишком жесткий, а когда он попытался схватить ее, нырнула под воду. Он вернулся домой, а на следующий день пришел снова, и по совету матери предложил девушке сырое тесто, но результат был тем же. На третий день она попробовала наполовину пропеченный хлеб и даже позволила ему взять себя за руку. Затем, после недолгих убеждений, она согласилась стать его невестой, но при одном условии – что они будут жить вместе до тех пор, пока она не получит от него «три удара без причины». Он охотно согласился, после чего девушка снова исчезла под водой. Сразу же из воды появились две прекрасные девушки, очень похожие на нее, вместе с седовласым грациозным мужчиной, который представился как отец невесты и сказал, что он даст согласие на союз, если молодой человек правильно угадает, кто его невеста из этих двух девушек. Это было непростое задание, т.к. они были очень похожи друг на друга, но, в конце концов, он узнал свою возлюбленную по тому, как были завязаны ее сандалии. Тогда отец пообещал ей приданое – столько овец, рогатого скота, коз и лошадей, сколько она насчитает «не вдыхая воздух и не дыша», и она считала животных, которые выпрыгивали из озера. После этого они стали жить на соседней ферме в богатстве и счастье и родили трех сыновей.

Однажды их пригласили на крещение. Жена не хотела идти, но муж настоял, и, когда она замешкалась с лошадьми, чтобы загнать их с поля, он шутливо ударил ее по плечу своей перчаткой, и она напомнила ему об их уговоре. В другой раз, когда они были вместе на свадьбе, она разрыдалась посреди веселой компании, а когда ее муж, похлопав ее по плечу, спросил, почему она плачет, ответила: «Теперь у этой пары начнутся неприятности, и у тебя тоже, потому что это был второй удар». Спустя некоторое время они были на похоронах, и она разразилась неумеренным смехом посреди общего траура. Естественно, муж не смог этого вынести и ударил ее, сделав замечание, чтобы она не смеялась. Она сказала, что смеялась, потому что люди, когда

умирают, избавляются от забот; затем она встала и покинула дом со словами: «Это был последний удар; наш брак разрушен, ему пришел конец. Прощай». Затем, собрав всех животных с фермы, она направилась со всем стадом обратно к озеру и погрузилась в него.

В истории умалчивается о том, что случилось с безутешным мужем, но рассказывается, что сыновья часто интересовались окрестностями озера и что мать иногда являлась им там. Более того, она сказала старшему, что он может помочь человечеству, став целителем. Она дала ему мешок с медицинскими рецептами и пообещала, что будет приходить, когда ему понадобится ее совет. И в самом деле, она часто появлялась и обучала сыновей использованию целебных трав, и поэтому они достигли известности благодаря своим знаниям и умениям в медицине.

Говорят, что последние потомки этой семьи докторов умерли в 1719 и 1739 годах.

Эта история не только об инстинктивных, эротических отношениях; женщина из воды приносит своему мужу богатство и передает своим сыновьям знания о целебных травах, благодаря своей связи с природой.

Рис приводит многочисленные похожие легенды, связанные с конкретными людьми, которые ведут свое происхождение от водных женщин и гордятся этим. Табу не всегда одинаковые – иногда мужчина не может прикасаться к своей жене железом (36), или же не может говорить ей грубые слова больше, чем три раза, и т.п. Но всегда нарушение условий происходит по непредусмотрительности или роковой случайности; и никогда не является намеренным.

Нарушение этих условий, иррациональных самих по себе, естественным образом влечет за собой постоянный результат. Эти наполовину человеческие создания являются частью природы и не обладают свободой выбора, дозволенной человеку, которая позволяет ему иногда вести себя не в соответствии с природными законами, например, когда его поведение определено чувствами, возвышающими его над чисто природными.

Мы можем многое понять из этой истории, когда водяная фея три раза получает роковые удары. В первом случае это крещение, в котором она не хочет принимать участие, и это означает, что христианские обряды противоречат ее языческой природе. В соответствии с идеями того времени, эльфы спрятались от всего христианского; говорят, что проповеди христианских миссионеров вытеснили их и отправили в землю (в место, которое называлось «волшебными холмами»).

Во втором случае она начинает плакать по счастливому поводу, а в третий раз нарушает траур несдержанным смехом; она ведет себя неподходящим образом, и ее высказывания, хотя и кажутся ей разумными, не подходят к обстоятельствам. Это означает, что проявляется нечто недифференцированное, и из-за того, что все еще бессознательные или подавленные элементы личности остаются примитивными и недифференцированными, они являются неприемлемыми, когда проявляются таким образом – «такими, какие они есть» (*telle quelle*). Похожие проявления периодически могут наблюдаться или переживаться любым человеком. Русалка, которая живет в воде, то есть в бессознательном, символизирует женственность в получеловеческом, почти бессознательном состоянии. Так как она выходит замуж за человека, можно предположить, что она представляет его бессознательное, природную аниму, вместе с ее недифференцированными чувствами. В то же время надо отметить, что она не приспособлена к коллективным, а не к личным чувствам. Действительно, бессознательные компоненты личности (анима, анимус и тень) или подчиненные функции всегда являются тем, что мир считает неприятным, и которые, по этой причине, вытесняются снова и снова. Уход русалки в свою стихию описывает то, что происходит, когда бессознательное содержание выходит на поверхность, но является еще мало скоординированным с эго-сознанием и поэтому проваливается обратно при малейшей провокации. То, как легко это происходит, показывает нам, насколько мимолетно и легкоразруσιμο это содержание.

В данном контексте также описана месть, которую проявляют эльфы, когда их презирают или оскорбляют, так как они чрезвычайно чувствительны и, обычно продолжают причинять вред, не смягчаясь из-за человеческого понимания. То же самое можно сказать об аниме, анимусе и недифференцированных функциях; более того, чрезмерная чувствительность, которая часто встречается у сильных мужчин, является знаком вовлечения анимы. Подобным образом в аниме можно встретить непредсказуемость, непослушание и частую злобу этих природных духов; эти проявления являются обратной стороной их очаровывающей привлекательности. Эти существа являются просто иррациональными – плохими и хорошими, помогающими и приносящими вред, исцеляющими и разрушающими, – как сама природа, частью которой они являются (37).

Эти особенности проявляются не только в аниме как бессознательном, женском аспекте мужчины, их можно увидеть и у многих женщин. Так как женщины вследствие своей биологической задачи в целом остались ближе к природе, чем мужчины, у них часто проявляется такой тип

поведения, более или менее явно. Мужчине легче спроецировать образ анимы на таких женщин, т.к. он более точно совпадает с его собственной бессознательной женственностью.

Поэтому элементарные создания, в основном русалки, так часто появляются в женских снах и фантазиях. Они могут представлять собой или неразвитую и все еще природную женственность конкретной женщины, или же ее подчиненные функции; тем не менее, часто они являются зарождающимися формами высшей личности – Самости.

В этой легенде мы встречаем еще одну характерную черту, а именно расчесывание волос водяной девушкой (типа Лорелеи) и разглядывание своего отражения в озере. Расчесывание волос, без сомнения, является способом сексуального соблазнения и используется даже сегодня. Смотрение в зеркало также относится к соблазнению, и эти два действия часто являются знаками присутствия анимы в литературе и в скульптуре (38).

Но зеркало, как символ фигуры анимы, также имеет другое значение. Одна из функций анимы – быть зеркалом для мужчины, отражать его мысли, желания и эмоции, как это делали валькирии. Вот почему анима так важна для него (как внутренняя фигура или будучи спроецированной на реальную женщину) – таким образом он узнает о вещах, которые пока еще являются бессознательными для него. Конечно, часто эта функция анимы приводит не к большей осознанности и самопознанию, а только к самоотражению, которое льстит мужскому тщеславию или даже вызывает сентиментальную жалость к себе. И то, и другое, естественно, увеличивает власть анимы и поэтому таит в себе опасность. В то же время, это часть женского предназначения – служить мужчине зеркалом, и поразительная искусность, которую женщины достигают в этом, помогает им нести на себе проекцию анимы мужчин.

Фея Мелюзина[i23] также принадлежала к расе водяных фей (39); легенда о ней, хотя и хорошо известна, содержит несколько важных моментов, которые я кратко представлю здесь (40).

Раймонд, приемный сын графа Поитирс[i24], случайно убил своего отца на охоте, после чего в безутешном горе ушел в лес. Там он неожиданно встретил трех прекрасных дев, сидящих возле родника, одна из которых была Мелюзина.[i25] Он излил ей свою печаль, и она дала ему хороший совет, после чего он влюбился в нее и попросил выйти за него замуж. Она согласилась при одном условии – что он позволит ей каждую субботу находиться в полном уединении и не будет ее преследовать. Он согласился, и они прожили счастливо много лет. Она родила ему нескольких сыновей, но у

каждого из них было что-то ненормальное и необычное. Она построила великолепный замок и назвала его «Лусиния» в свою честь, в дальнейшем он стал известен как Лусигнан[i26]. Однажды в выходной день, взволнованный дошедшими слухами о своей жене, Раймонд проследил за ней и нашел ее в ванной комнате. К своему ужасу он увидел, что у нее был хвост, похожий на рыбий или на хвост морской змеи. Поначалу его открытие ничего не изменило, но некоторое время спустя пришли новости, что один из сыновей Мелюзины[i27] атаковал и сжег монастырь, который она основала, а другой сын, который был там монахом, погиб. Она пыталась утешить своего мужа, но он оттолкнул ее, промолвив: «Прочь, противная морская змея, осквернение моей достопочтенной расы!» От этих слов она упала в обморок. Очнувшись, она со слезами рассталась со своим мужем, оставила детей на его попечение, а затем вылетела из окна и развеялась «с долгим криком агонии». В дальнейшем она иногда появлялась, чтобы присмотреть за теми сыновьями, которые были еще маленькими; в легенде говорится, что на протяжении длительного времени она периодически появлялась над крепостным валом замка, когда умирал кто-либо из лордов Лусигнана[i28], которые, как предполагалось, были ее потомками.

Условие Мелюзины [i29] состояло в том, чтобы ей позволяли один раз в неделю возвращаться в свою стихию и превращаться в русалку. Это была тайна, которую нельзя было раскрывать. Нечеловеческий хвост, в данном случае хвост рыбы, не должен был быть увиден. Логично предположить, что еженедельные купания в ванне, с возвращением в естественное состояние, означают обновление жизни. Более того, вода является главным жизненным элементом. Она необходима для поддержания жизни, и исцеляющие ванны или источники, которые приносят выздоровление и обновление жизни, всегда считались нуминозными и почитались (41). Но поклонения деревьям, камням и источникам, горящему огню и свету были запрещены как языческие практики (42) церковным собором Авиньона в 1442 году. Вместо них у многих источников появился образ Девственницы, украшенной цветами и свечами – как христианское выражение древних чувств, которое существуют и поныне. Одно из имен Марии – «реге», что означает «источник». Нуминозное качество воды также выражается древней идеей «живой воды», обладающей сверхъестественной силой, «aqua permanens» у алхимиков. Нимфы или феи, обитающие внутри или рядом с источниками, обладают особой близостью с водой, которая считается жизненным элементом; как источник жизни является неразрешимой загадкой, так и нимфа тоже имеет что-то таинственное – то,

что должно оставаться скрытым. В некотором роде эти создания являются хранителями источников, и некоторые целебные источники имеют своего святого покровителя: к примеру, покровительница Бадена – Св. Верена, которая заменила языческую нимфу, также связана с Венерой.

Анима, чье название отражает ее «живой» характер, выполняет похожую функцию. Так, она часто появляется во снах или фантазиях в виде такого сказочного создания. Например, молодому человеку, очень рациональному в своих поступках, приснился следующий сон:

«Я иду через густой лес; по направлению ко мне идет женщина, завернутая в темную вуаль, она берет меня за руку и говорит, что она отведет меня к источнику жизни».

Рассказывая о своих ранних переживаниях, английский писатель Уильям Шарп (1855-1905) говорит о прекрасной белой женщине из леса, которая явилась ему возле небольшого озера, окруженного чинарами (43). Ребенком он звал ее «Звездные глаза», позже – «Леди Моря», и он говорил, что она «была той женщиной, которая живет в сердце всех женщин». Очевидно, что она является первоначальным образом женственности, фигурой анимы (44).

Анима – связь с родником или источником жизни в бессознательном. Когда такой связи не существует или же она нарушена, возникает состояние застоя или апатии, часто настолько сильное, что вынуждает человека обращаться к психиатру. Готфрид Келлер очень выразительно описывает это состояние в своей поэме «Зимняя ночь» (45).

*«Не слышно взмаха крыльев в ночном небе,
Тихо и ослепительно белеет упавший снег.
Ни тучки, закрывающей звезды в вышине;
Ни волны, волнующей замерзшее озеро внизу.*

*Из глубины выросло водяное дерево,
До самого верха покрытое ледяной завесой;
По его ветвям русалка ко мне взбиралась,
Пристально глядя сквозь холодную зелень.*

*Стоя там, на прозрачной поверхности,
Отделяющей меня от темной и тусклой глубины,
Я мог видеть сейчас под своими ногами*

Ее белое прекрасное мерцание, все тело.

*Она, окутанная в страдания, хотела найти
В этой твердой крыше какую-нибудь трещину.
Она всегда, всегда в моей голове,
Никогда я не забуду ее призрачного лица».*

Русалка, заключенная во льду, напоминает заколдованную принцессу в стеклянной горе, которая упоминалась ранее; лед, как и стекло, образует холодную, твердую и неподвижную броню, заключающую в себе жизнь, которую нужно освободить.

Нужно упомянуть еще один важный момент в легенде о Мелюзине.[i30]

Когда ее сын поджигает монастырь, который она основала, это явно отражает противоречия, уже существующие между эльфами и христианством. С другой стороны, по мнению многих исследователей, эти существа также желают освобождения.

Парацельс[i31] , который написал целый трактат по таким элементарным существам, как нимфы, сильфы, карлики и саламандры, считает, что хотя они на самом деле и напоминают человека, они произошли не от Адама, и у них нет души. Водяные люди больше всего похожи на человека, и чаще всех пытаются вступить в связь с людьми. Их «не только встречали люди в реальности, но и женились на них, и рожали от них детей» (46). И далее: «Про нимф говорят, что они приходят к нам из воды, сидят на берегах ручьев, где находятся их жилища. Там их находили, забирали или крали, женились на них, как мы говорили ранее» (47) . Благодаря союзу с человеком они получают душу, и их дети от такого брака также обретают душу. «Из этого следует, что они добиваются расположения человека, делают это неумолимо и в тайне» (47), так же как «язычники просят о крещении и добиваются этого, чтобы приобрести душу и ожить во Христе».

Эти исследования Парацельса[i32] предоставили материал для «Ундины» Ф. де ля Мотте Фок[i33] (48), написанной в начале девятнадцатого столетия, т.е. в период романтизма, когда возродилась идея единения души с природой, а также впервые заговорили об идее бессознательного (49). Основная идея этой истории – отсутствие у русалки души.

Ундина была дочерью морского царя, который правил

Средиземным морем. Он пожелал, чтобы она смогла обрести душу, и ее тайно подбросили к паре рыбаков, которые, считая, что их собственный ребенок утонул, взяли вместо него подкидыша. Ундина росла очаровательной девочкой, хотя часто поражала своих приемных родителей необычной детскостью и постоянной склонностью к озорным проказам.

Однажды, во время шторма, странствующий рыцарь попросил убежища в хижине рыбака, и Ундина, обычно капризная и стеснительная, вела себя доверчиво и дружелюбно по отношению к нему. Ее обаяние и детскость очаровали его. В это время в хижину заглянул святой отец, который их и обвенчал. После этого Ундина призналась своему мужу, что у нее нет души, и он обеспокоился. Несмотря на всю его любовь, его мучила мысль, что он женат на эльфийке[i34]. Она умоляла его не избавляться от нее, так как ее род не может обрести душу иначе, кроме как через человеческую любовь. Она попросила его только об одной вещи – чтобы он никогда, особенно если они будут находиться возле воды, не говорил ей грубых слов, потому что в этом случае ее защитники – водяные люди – придут и унесут ее прочь.

Рыцарь привез ее к себе в замок, но там появилась Бертальда – придворная дама, которая надеялась стать его женой. Ундина дружелюбно приняла ее, но рыцарь чувствовал беспокойство. В итоге, когда они плыли по Дунаю, он обвинил Ундину в колдовстве и обмане, когда вместо ожерелья Бертальды, которое та уронила за борт, Ундина достала из воды нитку с кораллами (50). Глубоко обиженная, Ундина спрыгнула с лодки и, рыдая, исчезла под бурлящей водой, предупредив мужа, что если он будет ей неверен, духи воды отомстят ему.

Тем не менее, вскоре должен был состояться его брак с Бертальдой. В день свадьбы Бертальда попросила принести ей лосьон красоты из колодца замка, который до этого был по приказу Ундины запечатан, чтобы духи воды не смогли оттуда выйти. Когда камень убрали, появилась фигура Ундины, вся в белом. Рыдая, она направилась по направлению к замку и тихо постучала в окно своего мужа. В зеркале он увидел, как она входит и приближается к нему. Оказавшись возле его кровати, она сказала: «Они открыли колодец, поэтому я пришла, и сейчас ты должен умереть». Сняв с себя покрывало, она обняла его, и он умер, когда она его поцеловала (51).

Трагедия происходит из-за конфликта между анимой – природным созданием – и человеческой женщиной. В легенде о Зигфриде это играет важную роль, так как борьба между валькирией Брунгильдой и Кремхильдой [i35] часто приводит к большим неприятностям в реальной жизни. По сути,

такой конфликт выражает оппозицию между двумя мирами – внешним и внутренним, сознательным и бессознательным – и я думаю, что особой задачей нашего времени является преодоление этого конфликта.

Другой тип анимы представлен в истории «Le Lai de Lanval[i36] » (59), которая является частью бретонского цикла легенд.

Ланвал [i37] был рыцарем, который принадлежал к ордену Короля Артура. Но он был небогат, и на него обращали мало внимания. Однажды он встретил у родника прекрасную девушку; она привела его к своей хозяйке, которая была еще более прекрасной, и она развлекала его по-всякому и подарила ему свою любовь. Ее единственным условием было, чтобы он никогда не предавал ее. Она также пообещала выполнять каждое его желание и появляться везде, где бы он ни захотел. Благодаря этому все его желания исполнились, и он стал таким великодушным, что заработал большое уважение. Он даже привлек внимание королевы, которая предложила ему свою любовь. Когда рыцарь отказал ей, королева так обиделась, что заставила его признать, что у него есть более прекрасная любимая, чем она. В гневе она потребовала, чтобы король призвал Ланвала[i38] к суду за оскорбление королевы. Чтобы оправдать себя, он должен был доказать, что его возлюбленная действительно так прекрасна, как он говорит. Но проблема была в том, что он больше не мог позвать девушку, т.к. он предал секрет ее любви. Казалось, что он потерял всякую надежду, когда на великолепно украшенной белой лошади, в сопровождении четырех волшебных девушек, появилась его возлюбленная – как воплощение красоты, обернутая в белые одежды и в пурпурном плаще. Ланвал [i39] был оправдан; все были вынуждены признать, что он говорил правду. Легенда завершается тем, что девушка увозит своего любимого с собой на лошади в свое королевство (53) .

Перемещение в сказочную страну – очень важный психологический мотив. В кельтской традиции это царство не является ужасным и пугающим, каким оно считается в других местах. Это не царство мертвых, оно зовется «Земля Живущих» или «Земля под Водами», считается, что оно состоит из «зеленых островов», населенных волшебными женским созданиями, и по этой причине иногда называется «острова женщин» (54). Вечно молодые и прекрасные, эти создания наслаждаются жизнью без страданий, полной музыки, танцев и радостей жизни. Здесь живут феи, включая известную Морган ла Фи (Фата Моргана), имя которой показывает, что она «рождена в море», именно туда они приводят своих людей-любовников. Психологически этот Элизиум, который можно сравнить с Садами Геспериды, может быть

интерпретирован как земля обетованная – притягательная и радостная, но таящая в себе опасность. Хорошо известно, что Анима правит этим царством, и она же показывает сюда дорогу. Опасность потеряться здесь, то есть в бессознательном, кажется, осознавалась даже в те времена. Так, в многочисленных историях описывается рыцарь, пойманный в путы любви, который забывает свои рыцарские обязанности (55) и, создав самодостаточную пару со своей возлюбленной, удаляется от мира и реальности.

Ярким примером этого может служить случай волшебника Мерлина, чья возлюбленная – фея Вивиян – использовала искусство магии, которому она научилась, подслушивая Мерлина, чтобы связать его невидимыми сетями и заключить в куст боярышника, откуда он уже не смог освободиться.

Эта история особенно поучительна, потому что фигура Мерлина очень точно воплощает сознание и интеллектуальные способности, которых не хватало в мужском мире вокруг него. Он был похож на Люцифера, Мефистофеля, и по сути символизировал интеллект в *statu nascendi*[i40], то есть в еще примитивной форме. Благодаря этому он обладал магической силой; но из-за пренебрежения своей женской частью он был отброшен назад к эросу и попался в ловушку природы – мужчина, который идентифицировал себя с принципом логоса.

Легенда о Тангейзере [i41], которую использовал Ричард Вагнер, относится к более позднему периоду; предположительно она датируется пятнадцатым веком и была широко известна в шестнадцатом веке в Швейцарии, Германии и Нидерландах (56).

*«Теперь, воистину, началась моя баллада,
О Тангейзере я буду петь Вам,
И о чудесах, которые у него случились
С Венерой, благородной Мини» (57).*

*«Тангейзер был сильным рыцарем.
В поисках чудес он пожелал
Вступить на гору Венеры,
Где обитали прекрасные женщины».*

Так начинается большинство песен, но существует швейцарский вариант, от Св. Галлена, записанный одним из старцев, который гласит:

*«Тангейзер был сильным юношей,
Большие чудеса он пришел увидеть.
Пришел он к горе Леди Венеры,
К тем прекрасным трем девушкам.*

*Всю неделю веселились они каждый день,
Наряженные в шелка и золото,
В кольца и бусы, и цветы боярышника,
А в воскресенье превращались в выдр и змей» (59) .*

Поэтому, жители Венусберга считаются родственниками Мелюзины[i42] .

Хотя, как я предполагаю, легенда довольна известна, давайте вспомним некоторые ее детали.

После того, как Тангейзер прожил долгое время в Венусберге, его начала мучить совесть, и он поехал в Рим просить отпущения грехов у Папы. Но Папа ему отказал и сказал, что его грех не будет прощен, пока сухая ветка перед ним не станет снова зеленой. Он возвратился в Венусберг и остался там навсегда, даже когда Папа послал ему сообщение с известием, что случилось чудо и ветка снова позеленела. Конец истории во многих вариантах такой:

*«Итак, он снова в горе
Выбрал ее любовь,
И для Папы, четвертого Урбана,
Потерян навсегда» (60) .*

Название Венусберг говорит нам о том, что это место любовных удовольствий и утех, где царствует Венера (61). Оно во многом похоже на «острова женщин» или волшебные холмы, о которых говорилось ранее. Все легенды об этом похожи тем, что рассказывают о мужчине, который был соблазнен и приведен туда женскими чарами; и он не мог найти дорогу обратно или сделал это лишь с большим трудом.

Античным примером этого сюжета является Калипсо, которая держала Одиссея на своем острове и освободила его только после повеления богов. Волшебница Цирцея также принадлежит к этой категории, но она больше похожа на ведьму, так как превращала своих жертв – товарищей Одиссея – в свиней.

Противостояние между христианством и язычеством, уже

упомянутое в истории Мелюзины, явно проявляется в легенде о Тангейзере. Однако язычество, которое возродилось во времена Ренессанса, происходило в большей степени из античности, а не от северных народов. Примером этого является известная история *Hipnerotomachia Poliphili* [i43] Франческо из Болоньи. (62). В ней монах описывает, как во сне его возлюбленная, нимфа Полия, показав ему несколько психологически важных сцен и образов из классической античности, в конечном счете ведет его к Афродите, которая благословляет пару.

Другая работа, которую стоит здесь упомянуть – это *Le Paradis de la Reyne Sibylle*[i44] , Антонио де ла Сала (63). Она была сохранена в двух манускриптах пятнадцатого века и напечатана в 1521 году. Этот «рай», в соответствии с итальянской традицией, находится в Монте дела Сивилла в Апеннинах. Автор, который там был, описывает это место и связанные с ним традиции. По предположениям, пещера в горе была входом во дворец королевы Сивиллы и ее царство, что в точности соответствует Венусбергу. История напоминает легенду о Тангейзере, за исключением того факта, что кающемуся рыцарю обещано немедленное прощение за его грехи. Однако его сопровождающий заставляет его поверить, что Папа обманывает его и на самом деле намерен заключить их в плен, поэтому они оба возвращаются в рай Сивиллы.

В этой истории королева и ее горничные должны уходить каждую пятницу в полночь в свои палаты на двадцать четыре часа и принимать облик змей – деталь, уже знакомая нам по легенде о Мелюзине.[i45] Жаль, что здесь нет возможности обсудить эту книгу. Однако в свете того, что уже было сказано, интересно отметить, что гора в Венусберге и гора Сивиллы похожи. Десонай [i46] считает, что гора Сивиллы находится в городе Кумы[i47] , она показала Энею [i48] дорогу в подземный мир, объяснив, где он сможет найти золотую ветку, которая откроет этот вход (64). Предполагается, что это была пещера возле озера Аверны, и грот, который, по слухам, принадлежал Сивилле, все еще находится по соседству. Очевидно, что это предание было соединено с тем, что говорит о пещере Монте дела Сивилла, которая также находится возле озера; считается, что она ведет к раю королевы Сивиллы. (65)

Более того, Десонай[i49] (66) предполагает, что, возможно, этот грот когда-то был посвящен Кибеле – матери богов, культ которой возник в Риме в 204 году вследствие увлечения Книгами Сивиллы[i50] и впоследствии распространился до Италии и Галлии (67). Как дарительница жизни и богиня плодородия, Кибела управляла водами; как Мать Гор и Хозяйка Животных, она правила всем, что было диким в природе. Она

даровала дар предсказания, но также приводила к сумасшествию, и ее экстатический культ был похож на культ Диониса (68). Нам она известна как мать Аттиса[i51], но если мы углубимся в этот миф, это заведет нас слишком далеко. Хочу лишь напомнить, что частью культа этой богини была кастрация священниками самих себя. Те мужчины, которых держали пленными в волшебном царстве (69), переживали подобие кастрации, также теряя свою мужественность и становясь мягкими, похожими на женщин. В то же время, отличие заключается в том, что если эти мужчины поддавались соблазну и были покорены женскими чарами, то священники Кибелы[i52] предлагали жертву богине.

Без сомнения, богиню Кибелу [i53] можно сравнить с «Сивиллой[i54] Рейна», даже если гипотеза Десоная не подтвердится археологическими находками.

Рай Сивиллы наделен практически теми же чертами, что ранее упоминались в различных историях о девушках-лебедях, русалках и феях. Совокупность подобных идей существовала по всему миру, начиная с древности, всегда повторяясь в той же самой комбинации, что явно указывает на то, что этот материал в основе своей является архетипическим.

Великая Мать, Предсказательница и Богиня Любви – аспекты изначальной женственности и, следовательно, аспекты архетипа анимы. В соответствии с выводами Кереньи (70), Кибела [i55] и Афродита, в конечном счете, – одна и та же фигура, и их можно отнести к великим богиням природы. Их божественные черты также отражаются в элементарных созданиях, описанных выше, и в связанных с ними легендах – это та же фигура, обладающая чертами анимы.

Но девушки-лебеди и русалки – не единственные формы, в которых проявляется элементарная женская природа. Муж Мелюзины [i56] обвиняет ее в том, что она «змея», и этот образ также может воплощать элементарную женственность. Она представляет более примитивную и хтоническую женственность, чем, к примеру, рыба, и определенно большую, чем птица, в то же время ей приписывается ум и даже мудрость. Кроме того, змея также опасна. Ее укус ядовит, ее объятья удушают (71), хотя каждый знает, что, несмотря на эти опасности, ее воздействие пленительно.

Появляясь в многочисленных мифах и сказках, змеи не всегда символизируют женское начало. В наше время во снах и фантазиях как мужчин, так и женщин змея часто символизирует до-человеческое и недифференцированное либидо, а не психический компонент, который осознается или может стать сознательным (72).

В то же время существуют отдельные примеры, где змея определенно имеет

характер анимы. Обсуждая психологические аспекты фигуры Кору (73), Юнг рассказывает сон молодого человека о змее, которая вела себя «нежно и вкрадчиво» и говорила с ним человеческим голосом. Другой мужчина, который иногда видел змею, свившуюся кольцом в его саду, чувствовал, что она смотрит на него удивительно человеческими глазами, как будто хочет завязать с ним отношения.

Дух природы также появляется в виде змеи или «трех прелестных золотисто-зеленых змеек» в истории «Золотой Горшок» Э.Т. Гофмана (74). В ней маленькая змея, которая смотрит на героя сказки с «невыразимым желанием», оборачивается Серпентиной, настоящей фигурой анимы, которая обладает золотым горшком. Горшок – это сосуд, в котором отражается «прекрасная земля Атлантов», и эта земля, ушедшая под воду, символизирует бессознательное. Позволяя герою видеть такие чудеса, Серпентина исполняет типичную функцию анимы и, помимо этого, помогает ему разгадать таинственные надписи, найденные на изумрудном зеленом листе, в котором легко узнать лист из книги природы.

Всякий раз, когда анима появляется в качестве хищника, как часто случается во снах и фантазиях, подчеркивается ее опасность. К примеру, мужчина может видеть сон, в котором львица, покинув свою клетку, приближается к нему и вкрадчиво ходит кругами вокруг него. Затем она превращается в женщину, становится угрожающей и хочет его поглотить. В таких снах обычно появляются тигры, пантеры, леопарды и другие хищники. В Китае большую роль играет лисица. Ей нравится показывать себя прекрасной девушкой, но ее можно распознать по хвосту. Часто в ней есть что-то от привидения, и она считается воплощением умершего духа. Женщинам снятся похожие сны, но в их случае животное, поскольку оно женского рода, представляет собой примитивную женственность сновидцы.

В старинной литературе в фигуре Антинеи[i57] из романа Бенуа L'Atlantide[i58] (75) выразительно проявляются оба аспекта элементарной анимы – и змеи, и хищника. Очаровывая всех мужчин красотой Венеры, мудростью змеи и жестокостью хищника, она накладывала на них неодолимые чары, и они все без исключения погибали. Затем их мумифицированными трупами украшался мавзолей, созданный специально для этих целей. Считается, что Антинея [i59] произошла от Исчезнувших Атлантов и является потомком Нептуна; следовательно, как Фата Моргана и Афродита, она рождена в море. Это полностью разрушительная фигура анимы – те, кого она очаровывает, теряют всю мужскую силу и мужество, и в итоге умирают.

Как мы можем видеть из этих примеров, подчинение власти анимы

всегда губительно и в каком-то смысле похоже на кастрацию священников Кибелы.

Важным психологическим моментом является то, что Антинея [i60] объясняет свое поведение мстью мужчинам, которые на протяжении столетий эксплуатировали ее и плохо с ней обращались. В той степени, в которой она воплощает негативную архетипическую женственность, это является первопричиной женской мести за обесценивание, которому она подвергалась.

Когда, как это происходит во многих легендах, элементарное существо ищет объединения с человеком и его любви, чтобы обрести душу, это может означать, что некий бессознательный и неразвитый компонент личности хочет соединиться, интегрироваться с сознанием. Это стремление также выражается во снах, и К.Г. Юнг приводит нам подходящий пример (76):

Молодой человек видит во сне, как к нему в окно залетает белая птица. Она превращается в маленькую семилетнюю девочку; она садится недалеко от него, на стол, и опять превращается в птицу, но все еще говорит человеческим голосом.

Это говорит о том, что женское существо хочет принятия в доме сновидца; но это все еще ребенок, то есть является недоразвитым, поэтому снова становится птицей. Это первое явное появление фигуры анимы на пороге сознания, но пока только наполовину человеческое.

Бессознательное имеет не только тенденцию удерживаться в своем элементарном состоянии, поглощать и разрушать то, что уже стало сознательным (77); оно так же активно действует в противоположном направлении. Существует бессознательное содержание, которое борется, чтобы стать сознательным, и оно мстит подобно эльфам, если не принимается во внимание. Потребность к росту сознания, по-видимому, по своей природе является архетипической, как будто существуют инстинкты, которые стремятся к этой цели. Но откуда приходит этот импульс или какова природа динамики, запускающей этот процесс, мы не знаем. Это относится к нераскрытым тайнам психики и жизни.

Потребность в росте сознания, отраженная в описанном материале, выражается в желании существа, все еще связанного с природой и только наполовину человеческого, приблизиться к человеку и быть принятым им, т.е. сознанием. В связи с этим заслуживает рассмотрения другой мотив, который не упоминался ранее, а именно тот факт, что в историях у этих

элементарных существ довольно часто присутствует отец (более или менее скрытый). Валькирии – женщины Одина, а Один – бог ветра и духа. В истории охотника и девушки-лебедя, которую нужно освободить из стеклянной горы, ее отец находится там вместе с ней, и их освобождают одновременно. Уэльский отец русалки отдает ее замуж за человека, и Ундина также посылается королем морей, своим отцом, жить среди людей, чтобы обрести душу.

В современных сказках и активном воображении анима также часто появляется в сопровождении отцовской фигуры. Это можно понять как указание на то, что за женственным природным элементом лежит мужской духовный фактор, которому приписывают знание скрытых вещей, которыми обладают эти элементарные женские существа. Юнг называл этот фактор «Старый Мудрец» или «архетип смысла», тогда как аниму он описывал как «архетип жизни» (78).

Важный момент, касающийся бессознательного – то, что его можно обнаружить с помощью сознания. В определенном смысле этот фактор сравним с идеей *lumen naturae* [i61], которую Парацельс[i62] описывает как невидимый свет, который «достигает человека, как во сне». Он говорит: «Так как свет Природы не может говорить, он обретает форму во сне с помощью силы Слова (Бога)» (79).

Рассматривая все, что было сказано об этих элементарных существах, мы видим, что они в целом обладают похожими характеристиками и ведут себя примерно одинаково. Более того, эти характеристики и результаты, к которым они приводят, могут быть связаны с теми свойствами, которые присущи аниме. Как природные создания, так и анима представляют принцип эроса: природные создания передают скрытые знания, а анима – информацию о содержании бессознательного. И те, и другие оказывают пленительный эффект и часто обладают силой, достаточной для того, чтобы привести к разрушительным результатам, особенно когда некоторые условия, влияющие на отношения между человеком и элементарным существом (или между сознательным эго и анимой), нарушаются. Это нарушение является причиной того, почему так много легенд заканчивается неудовлетворительно – разрушением отношений. Из этого следует, что такая связь – очень тонкое дело, как и отношение к аниме. На самом деле, из опыта мы знаем, что анима предъявляет определенные требования к мужчине. Она является психическим фактором, с которым необходимо считались, а не игнорировать его, как это обычно происходит, так как мужчине обычно нравится идентифицировать себя со своей мужественностью.

Однако дело не в том, чтобы полностью отдать свою мужественность на службу Леди Аниме или совсем лишиться ее, а в том, чтобы предоставить женственности определенное место внутри себя, так как она тоже является частью мужчины. Это можно сделать через признание и реализацию эроса, принципа отношений, что означает не только осознание своих чувств, но и использование их, потому что для того, чтобы создать, а особенно сохранить отношения, нельзя обойтись без субъективной оценки (то есть чувств). Для мужчины, согласно его природе, важно отношение к объектам, своей работе или другой области интереса; для женщины же важны личные отношения, и это также касается анимы. Ее цель – вовлекать мужчину в такие отношения, но она также может помочь ему придать им форму после того, как женский элемент будет интегрирован в сознание. До тех пор, пока этот элемент работает автономно, он разрушает отношения или делает их невозможными.

Исследования и находки глубинной психологии показали, что для современных людей (или, по крайней мере, для большинства из них) достижение согласия с бессознательным является необходимым. Для мужчин особенно важны отношения с анимой; для женщин – отношения с анимусом. Эти факторы, строя своего рода мост, устанавливают связь с бессознательным в целом. Анима, как правило, проецируется сначала на реальную женщину; это может привести к возникновению у мужчины таких отношений с женщиной, которые он, в противном случае, посчитал бы невозможными; с другой стороны, это может также привести к тому, что он станет слишком зависимым от нее, с разрушительными результатами, описанными выше.

До тех пор, пока существует эта проекция, мужчине, естественно, трудно построить отношения с внутренней анимой, собственной женственностью. Кроме этого, во снах мужчин часто являются фигуры женщин, которые не идентифицируются ни с кем из реальности. Обычно они появляются как «незнакомки», «неизвестные» или «скрытые вуалью женщины», или, как в легендах, принимают образ получеловеческих созданий. Сны такого рода обычно производят сильное впечатление и окрашены чувствами; легко поверить, что они имеют значение для психики.

В литературе описано большое количество таких фигур, и только в некоторых случаях отношения между мужчиной и таким элементарным существом приводят к счастливому концу. Причиной может быть недостаток сознательности у человека. Для установления отношений с бессознательным очень важно, чтобы это было сильным и хорошо защищенным, чтобы сопротивляться опасности, всегда присутствующей, когда мы имеем дело с

бессознательным – опасности быть захваченным и разрушенным им (80).

Сильное эго также нуждается в сохранении такого рода отношений, так как, хотя бессознательные фигуры и хотят быть принятыми людьми, то есть сознанием, по своей природе они мимолетны и легко исчезают снова. (Как говорила Урваси: «Я ушла как первый рассвет... Я как ветер, который трудно поймать».)

По мнению психотерапевтов и психологов, сегодня решение этой проблемы, по-видимому, является насущной необходимостью, и Карл Густав Юнг рекомендовал метод активного воображения в качестве способа ее разрешения (81). Конфронтация и примирение эго с этими фигурами бессознательного необходимы, с одной стороны, чтобы отличать их от эго, а с другой стороны – чтобы найти с ними общий язык, при этом обе стороны влияют друг на друга.

Хорошим примером является чешская сказка «Либусса», заново отредактированная Музаеус[i63] (82). Вкратце история выглядит так:

Когда дубу нимфы дерева угрожала опасность, она попросила защиты у молодого и благородного сударя по имени Крокус. За его услугу она предложила в награду исполнить любое его желание – известности или славы, богатства или счастья в любви. Но он не выбрал ничего из этого, а пожелал «отдыхать в тени дуба от утомительного военного похода» и там из уст нимфы получать «уроки мудрости по толкованию секретов будущего». Его желание было исполнено, и каждый вечер она приходила к нему в сумерки, они гуляли вместе вдоль тростниковых берегов пруда. «Она обучала своего внимательного ученика секретам Природы, происхождению и сущности вещей, их природным и магическим качествам», и таким образом превратила жестокого воина в мыслителя и очень мудрого человека. По мере того, как чувствительность и чувства молодого человека становились более утонченными благодаря его связи с этой волшебной нимфой, ее хрупкая призрачная фигура, казалось, становилась более цельной и реальной. Ее грудь наполнилась теплотой и жизнью, ее карие глаза засияли огнем, и ее облик наполнился расцветающей женственностью».

Здесь мы видим необычайно точное описание эффекта и контр-эффекта, следующего из таких отношений с фигурой анимы. Она становится более реальной и более живой; в то время как чувства мужчины видоизменяются, он также обучается, чтобы стать «мыслителем и очень мудрым человеком», достигая таким образом славы. История имеет предсказуемый конец (83). Прожив много лет вместе с мужем, однажды

нимфа прощается с ним, предвидя, что нельзя более предотвратить смерть ее дуба. Потом в дерево ударяет молния, и она, чья жизнь оставалась связанной с ним, исчезает навеки, несмотря на свои человеческие качества.

Поразительные и, по моему мнению, уникальные отношения с анимой построил Уильям Шарп (84), английский автор, которого я уже упоминала. По желанию своего отца, который был торговцем, он сначала изучал юриспруденцию, но оказался непригодным для нее. Затем он провел три года, также без особого успеха, в лондонском банке. Оставив это дело, он вернулся к искусству и литературной критике и опубликовал несколько стихов. Это занятие привело его к знакомству с художественными и литературными кругами Лондона, особенно он подружился с Данте Габриэль Розетти. В биографии, откуда взят этот материал (написанной его женой, которая была ему кузиной), говорится, что университеты постоянно предлагали ему должность преподавателя, но он не мог принять эти предложения из-за своего здоровья. Кроме интеллектуальной жизни, у него была также активная жизнь в сновидениях и фантазиях, которую он называл «зеленая жизнь», потому что она была связана с природой, к которой он питал большую любовь. Она появилась у него во время ежегодных путешествий на море, главным образом в Шотландии. В детстве сиделка из Шотландии познакомила его с Гаэльскими легендами, и Шотландия казалась ему домом души. Однажды, во время своего пребывания в Шотландии, начав писать кельтский роман «Фараис[i64] », он осознал преобладание женского элемента в нем и то, насколько эта книга была связана с его женской частью. В результате он решил опубликовать этот роман под именем Фиона Маклеод[i65] , которое пришло к нему на ум «уже готовое»; впоследствии он написал множество книг под этим псевдонимом, ярко описывая особый характер Шотландии и ее жителей. Благодаря возросшему интересу в то время к кельтской тематике, его книги были очень хорошо приняты. Как писал Уильям Батлер Йетс[i66] , среди новых голосов ни один не был настолько выразительным, как мистический запоминающийся голос историй Фионы Маклеод[i67] , который, как казалось, был голосами простых людей и природных явлений. Мастерство этих историй, по словам Йетса[i68] , опиралось на откровения; оно имело дело с невидимыми, неуловимыми вещами. На вопрос о том, почему он писал под женским псевдонимом, Шарп ответил: «Я пишу из своего сердца так, как я не смог бы написать, будучи Уильямом Шарпом... Это восторженное чувство единства с природой, этот космический экстаз и бурная радость, это странствие по беспредельному миру – все это настолько связано с романтикой жизни, что я не смог бы выразить себя в своем внешнем я ...» (85). Он держал в большой тайне свои

отношения с Фионой Маклеод[i69] , и на протяжении длительного времени даже его друзья не знали о его связи с «ней»; у Уильяма Шарпа была своя переписка с читателями, а у Фионы Маклеод – своя собственная. Своей жене он писал: «Все больше и больше У.Ш. и Ф.М. становятся одной фигурой – иногда связанные и имеющие одну природу, но часто абсолютно разные» (86); это письмо он подписал Уилфион (сокращение от Уильяма и Фионы). Иногда в свой День рождения он обменивался письмами с Фионой, в которых он выражал ей свою благодарность, а она давала ему советы.

Здесь мы можем увидеть, что внутренняя анима приобретает некоторую степень реальности. Возможно, это произошло из-за особого характера Уильяма Шарпа; однако, в принципе, это соответствует тому, что мы имеем в виду, когда говорим об отношении к аниме или ее интеграции, что в определенной степени возможно для всех мужчин.

Интеграция анимы, женского элемента в психике мужчины, является частью процесса индивидуации. В связи с этим, однако, надо принять во внимание один очень важный момент, а именно то, что женский элемент, который должен стать интегрированной частью личности, это только часть анимы, а именно ее личный аспект. Анима также есть архетип Женственности, он является надличностным по своей природе и поэтому не может быть интегрирован.

За элементарными существами нашего исследования, как мы видели, стоят божественные фигуры Кибелы и Афродиты – Богини Природы. Это архетипическое происхождение объясняет непреодолимую силу, которая может исходить от такой фигуры анимы; так как если через нее проявляется сама Природа, то можно понять, почему мужчина может быть побежден ею и оказаться в ее власти. Особенно часто это происходит, когда не проводятся различия между архетипическими и личными аспектами анимы. Более того, смешение этих аспектов дает аниме превосходящую власть, и поэтому очень важно делать различие между тем, что относится к личности, и тем, что относится к сверхличности. Это разделение иногда представлено во снах и фантазиях смертью надличностной фигуры анимы. Мне известна одна фантазия, в которой она поднимается на небеса, а обычная женщина остается внизу; «Сон Полифило[i70] », который уже упоминался, оканчивается тем, что нимфа Полиа[i71] растворяется «в тонком воздухе, как небесный образ» (87).

К.Г. Юнг писал о сне мужчины, в котором женская фигура, будучи намного большей по размеру, чем обычная женщина, стоит с закрытым лицом в церкви на месте алтаря. Подобно эйдосам Платона, архетип анимы имеет сверхчеловеческую природу и пребывает в божественной сфере.

Анима является изначальным образом, стоящим за личностными женскими компонентами души, и формирует их по своему подобию. Как к Великой Матери или Богине Любви, как к Госпоже, к архетипическому аспекту анимы надо относиться с глубоким почтением. С другой стороны, мужчина должен примириться со своей личностной анимой, женственностью, которая принадлежит ему, которая дополняет его, а не управляет им.

Пытаясь представить аниму в нашем исследовании как элементарное существо, я не описывала высшие формы ее проявления, например, Софию. Потому что мне кажется важным подчеркнуть ее природный аспект, который так явно присущ женщинам.

Когда анима распознается и интегрируется сознанием, изменяется отношения к женственности в целом. Эта новая оценка принципа женственности приносит с собой также должное почитание природы; в то время как интеллектуальная точка зрения, доминирующая в науке и технологии, приводит к эксплуатации природы. К счастью, сегодня можно наблюдать признаки улучшения ситуации. Наиболее значимым из них, возможно, является новый символ веры *Assumptio Mariae*[i72], и провозглашение Богоматери повелительницей мироздания. В наше время, когда актуальны такие угрозы, как расщепление, разделение людей, личностей и атомов, абсолютно необходимо, чтобы пришли в действие те силы, которые объединяют и удерживают вместе, так как жизнь основана на гармоничном взаимодействии мужских и женских энергий внутри и вокруг человека. Объединение этих противоположностей в единое целое – одна из наиболее важных задач сегодняшней психотерапии.

Комментарии.

1. Leider des Rig-Veda. Перевод на немецкий язык Н. Hillebrandt. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1913. X. 95, p.142
2. Satapatha-Brahmana из Sacred Books of the East, XLIV. Ed. F. Max Mueller. Oxford: Oxford University Press, 1900. P.69 ff.
3. Apsaras (те, кто движется в воде) – небесные нимфы божественной красоты, посвященные песне и танцу. Их партнеры мужчины - также любящие музыку Gandharvas. См. Hastings. Encyclopedia of Religion and Ethics, under “Brahmanism”.
4. Apuleius. The Metamorphoses or The Golden Ass. См. Erich Neumann's Amor and Psyche: The Psychic Development of the Feminine. Bollingen Series

LIV. New York: Pantheon Press, 1956.

5. Cf. Adalbert Kuhn. *Die Herabkunft des Feuers und des Gottertranks*. Berlin: Dummlers Verlag Buchhandlung, 1859. Здесь этот сын представлен как огонь.

6. Johann W. Goethe. *Faust*. Перевод George M. Priest. New York: Alfred A. Knopf, 1950.

7. Взято из *A Celtic Miscellany*. Перевод К. Н. Jackson. London: Routledge & Kegan Paul, 1951. Also, H. Arbois de Jubainville. *The Irish Mythological Cycle and Celtic Mythology*. Перевод с французского R. I. Best. Dublin: Hodges, Figgis & Co. Ltd., 1903.

8. Wilhelm K. Grimm. *Deutsche Mythologie*. Vol. I, Chaps. XVI, IV, 1835. Эта работа была заново опубликована в Vienna & Leipzig: Bernina Verlag, 1939. Все последующие ссылки относятся к изданию 1835 года. (Ed. note)

9. Одно из имен Одина - Wunsch (Wish). W. Grimm, *ibid.*, Vol. I, Chap. XVI.

10. W. Grimm, *ibid.*

11. Cf. Wayland Smith. Перевод с французского Dopping and Michel by S. W. Singer. London: William Pickering, 1947. Этот английский вариант был выбран, потому что он наиболее точно похож на немецкий, который использовала Миссис Юнг (*Edda*. Vol. I, Translated into German by Felix Genzmer. Jena: Diederichs Verlag, 1912). Однако, потребовалось сделать несколько изменений, чтобы полностью соответствовать. (Ed. note)

12. Это означает, что, как и валькирии, они закручивают нити победы и славы.

13. Cf. also M.-L. von Franz. *Archetypal Patterns in Fairy Tales*. Zurich: Privately printed, 1951. Chap. V.

14. По мнению Гримма (*ibid.* Chap XII), лебедь считался пророческой птицей, и что слово *schwanen*, эквивалентное *ahnen* (иметь предчувствие), похоже, связано с этим. По мнению J. A. MacCulloch (*The Religion of the Ancient Celts*. Edinburgh: T. & T. Clark, 1911), *Badb*, или "ворона битвы" – древняя богиня войны в ирландской мифологии – относится к валькириями, но имеет более зловещий характер предсказательницы зла.

15. См. C. G. Jung. *Aion*. Zurich: Rascher Verlag, 1951. Английский перевод этого отрывка из *Aion* опубликован под названием "Shadow, Anima, and Animus" in Spring 1950, Клубом Аналитической Психологии N.Y. Inc. p. 3.

16. *Udr*, *Verdandi* and *Skuld* – прошедшая, настоящая и будущая формы глагола быть. См. *Prose Edda*. *Scandinavian Classics*. Vol. V. New York: Oxford University Press, 1929. Notes 12, 13, 14, p. 28.

17. *Fatum* означает утверждение, пророчество (См. A. Walde. *Lateinisches Etymologisches Worterbuch*, 1910).

18. *The Lay of the Nibelungs*. Метрически переведен со старинного

- Германского Текста Alice Horton. London: George Bell 8c Son, 1901.
- Следующий отрывок встречается в Adventure XXV, Verse 1536.
19. "Sie swebten sam die Vogele vor im uf der vluot.
Des duhten in ir Sinne stare unde guot.
Zwas si im sagen wolden, er geloubte in dester has."
20. Tacitus. Germania 8. Цитата из W. Grimm (ibid., Vol. I, Chap. V, p. 78).
21. "ut matres familias eorum sortibus et vaticinationibus declararent
utrum proelium committi ex usu esset nec ne." Grimm, ibid., Vol. I, Chap. V, p. 78.
22. Grimm, ibid., Vol. I, p. 361.
23. "quandam mulierem fatatam, sive quandam fatam, que alio nomine
nimpha, vel dea, vel adriades (dryas) appellatur."
24. "The Bologna Enigma" была опубликована на английском в Ambix, Vol. II;
Journal of the Society for the Study of Alchemy and Early Chemistry. London:
Dec. 1946.
25. Cf. C. G. Jung. "The Psychological Aspects of the Mother Archetype" in
Spring 1943 (опубликовано Клубом Аналитической Психологии N.Y. Inc.) и
переведено с немецкого в Eranos-Jahrbuch VI. Zurich: Rhein Verlag, 1939.
26. The Works of Plato. Перевод by B. Jowett. New York: Dial Press, No date.
p. 401.
27. См. так же, "Der Jager und die Schwanjungfrau" (Охотник и девушка-
лебедь) in Deutsche Mdrchen seit Grimm, hrsg. von Paul Zaunert. Jena:
Diederichs, 1919. See also "Die weisse und die schwarze Braut" (Белая и черная
невеста) and "Die Rabe" (Ворон) from Grimm's Kinder- und Hausmdrchen, Vols.
I & II, and "Die Entenjungfrau," (Молодая гусыня) русская сказка; all to be
found in Mdrchen der Weltliteratur. Jena: Diederichs, 1915. Likewise
"Приключения Хасана из Бассора" – сказка из 577 ночи из «Тысяча и одна
ночь».
28. В соответствии с германскими и северными источниками, стеклянная
гора считалась местом в Потустороннем мире, обиталищем мертвых или
благословенных; согласно другим источникам, там обитали девушки-лебеди,
феи, ведьмы, гномы и похожие на них существа. Во многих сказках людей
приводят туда духи или демоны, и они должны быть освобождены. (Cf.
Handwdrterbuch des deutschen Aberglaubens, published by H. Baechtold-Staubli,
under "G las berg") Это место в Потустороннем мире так же может быть
приравнено к бессознательному.
29. "Der ggrauble Schleier." See J. K. Musaeus. Volksmdrchen der Deulschen,
Vol. II, in Mdrchen der Weltliteratur. I. c.
30. "Поле лебедей". Здесь редактор вставляет интересный комментарий, что

это место получило свое название от Schwanhildis и ее отца Cygnus, "которые оба принадлежат к расе фей и, возможно, происходят от яиц Leda."

31. See C. G. Jung. "The Psychological Aspects of the Kore" in Jung and Kerenyi. *Essays on a Science of Mythology*. Bollingen Series XXII. New York: Pantheon Press, 1949.

32. См. Goethe's poem "Der Fischer" (Рыбак); Gottfried Keller's "Nixie im Grundquell" (Рыскалка у ручья) (*Gesammelte Werke*. Berlin: W. Herz, 1891-92) and his "Winternacht", переведенный далее в этой статье; Gerhart Hauptmann's *The Sunken Bell* (перевод на английский С. Н. Meltzer. Garden City, N.Y.: Doubleday Page & Co., 1914); Jean Giraudoux's *Undine* (английский вариант был подготовлен совместно с Schuyler Watts. New York, 1941).

33. Minne означает любовь. Cf. Minnesdnger (Певец Любви). См. W. Grimm. *Deutsche Mythologie*, I. c, Vol. I, p. 360. According to F. Kluge in *Deutsches Mythologisches Worterbuch* первоначальное значение слова Minne – воспоминание, поминовение, память. Оно имеет корни с английским словом mind, и происходит от индо-германской основы men или man, обозначающее «думать, смысл». Grimm связывает это с manus, man.

34. См. интересное исследование R. Bezzola on "Guillaume IX de Poitiers" in *Romania*, Vol. LXVI.

35. John Rhys. *Celtic Folklore*. Oxford: Clarendon Press, 1901. p. 3 ff.

36. Железо обозначает защищающую власть от эльфов.

37. Это изначально было описано в северной сказке "Die Waldfrau" (Женщина из Леса) (*Mdrchen der Weltliteratur*, I. c.), которая рассказывает о дровосеке, очарованном прекрасной девушкой, которую он встретил в лесу. Каждую ночь она брала его с собой на свою гору, где все было настолько прекрасно, прекраснее, чем все, что он когда-либо видел. Однажды, когда он колол дрова, она принесла ему еду в прекрасной серебряной чаше, но как только она села на пенек, он, к своему ужасу, увидел, что у нее коровий хвост и что он провалился в расщелину в дереве. Он быстро вытащил свой клин так, что хвост оказался защемлен. Затем он написал имя Иисуса на чаше. Тут же женщина исчезла, и чаша с едой превратилась в кусок говядины с коровьими экскрементами.

38. Зеркало известно как магический инструмент в фольклоре. Оно обладает нуминозным эффектом, когда кто-то видит в нем свою тень или отражение. Волшебное зеркало показывает, что происходит во всем мире, или предсказывает будущее и показывает секреты и скрытые вещи. (See *Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens*. I. c, Vol. IX under "Spiegel").

39. См C. G. Jung. *Paracelsica* (Zurich: Rascher Verlag, 1942), где полностью рассказывает легенда, и образ Мелусины рассматривается как анима в связи с

алхимическим символизмом и представлением Парасельсуса о Мелусине, как об обитающей в крови.

40. From S. Baring-Gould. *Curious Myths of the Middle Ages*. London, Oxford 8c Cambridge: Rivingtons, 1869.
41. As, for instance, Lourdes.
42. After Alfred Maury. *Croyances et Legendes du Moyen-Age*. Paris: 1896.
43. William Sharp (Fiona Macleod): Мемуары составлены его женой Elizabeth Sharp. New York: Duffield 8c Co., 1912, p. 9.
44. Ibid., p. 9.
45. Английский вариант переводчика. (Ed. note)
46. *Four Treatises of Theophrastus von Hohenheim, called Paracelsus*. Edited by Sigerist. Baltimore: John Hopkins Press, 1941. p. 236.
47. Ibid., p. 239 ff.
48. F. de la Motte Fouque. *Undine*. Перевод с немецкого Edmund Gosse. London: Sidgwick 8c Jackson, Ltd., 1912.
49. Carl Gustav Carus. *Psyche*. Jena: Diederichs Verlag, 1926.
50. Ожерелье, потерянное Бертальдой, принесли водные стражи, без ее предвидения. (Ed. note)
51. То, что это материал использовался недавно Giraudoux в его пьесе «Ундина», показывает, что эта тема все еще актуальна.
52. *Four Lais of Marie de France — Guingarnor, Lanval, Tydet, Bis-clavet*. Rendered into English by Jessie L. Weston. London: D. Nutt, 1910.
53. Аналогичная германская легенда, записанная Парацельсом в трактате, указанном выше, также присутствует описании W. Grimm in *Deutsche Sagen*. (Munich 8: Leipzig: Georg Mueller, No date. Vol. II). Она рассказывает о рыцаре из Siauffenberg, который однажды по дороге в церковь встречает невероятно прекрасную девушку, сидящую в одиночестве на опушке леса. Как оказалось, она ждала его. Она сказала, что всегда любила и охраняла его, после чего они обнялись. Эта девушка, также была волшебницей, которая исполняла желания. Она дала ему деньги и собственность, при условии, что он не будет иметь связи с другими женщинами. Когда семья вынудила его жениться и он согласился, несмотря на это условие, сначала девушка предупредила его, затем он таинственным образом умер через три дня. В этой девушке, которая любила рыцаря с самого начала, нетрудно узнать его собственную женскую часть; ее исключительное требование – характерная черта анимы, которая часто приводит к конфликтам и затруднительным положениям.
54. См. J. A. MacCullough. *The Religion of the Ancient Celts*. I. с.
55. Этот мотив играет важную роль, к примеру в поэме Chretien de Troyes'

"Yvain" и "Erec and Enide." Последняя является предметом очень детального исследования R. Bezzola (*Le sens de l'Adventure et de l'Amour*. Paris: Ed. La jeune Parque). Самое сложное задание покинутого любимого состоит в том, чтобы сразиться с оппонентом, находящимся в таких же условиях, то есть в некотором смысле с самим собой. Преодоление самого себя обозначает, что он сможет освободить себя от изолирующего очарования любви и вернуться со своей женой к обществу и миру.

56. P. S. Barto. *Tannhduser and the Mountain of Venus*. New York: Oxford University Press, American branch, 1916. См. pp. 74, 75 Английская версия, представленная здесь, соответствует германской, написанной Mrs. Jung. (Ed. note)

57. В некоторых вариантах говорится "Venus der Diivelinne" (Venus of the Devilesses).

58. Здесь Венера становится Swiss Verena.

59. К сожалению, не было найдено английской версии. Примерно это звучит так:

"Danuser was a wondrous youth
Great wonders came he to see.
He came to Lady Venere's mount
To those beauteous maidens three.

"Throughout the week they're fair all day
Decked out with silk and gold,
Rings and beads and crowns of May,
But Sunday they're otters and snakes."

60. Barto. / с. р. 95. Версия, представленная Юнгом, звучит так:

"Do was er wider in den Berg
Und het sin lieb erkoren.
Des must der vierte Babst Urban
Auch ewigklich sein verloren."

61. См. так же W. Grimm. *Deutsche Mythologie*. I. с. В последующем средневековье, в Германии Венусберг идентифицировался с Граалем, это название в дальнейшем приобрело значение веселья и развлечения. W. Hertz цитирует летописца: "Историки верят, что рыцарь лебедь пришел из горы Венус, где находится Грааль" (*Parzival und der Graal*)

62. Для детального психологического изучения данной работы см. Linda Fierz-David: *The Dream of Poliphilo*. Bollingen Series XXV. New York: Pantheon Press, 1950.

63. Antoine de la Sale. *Le Paradis de la Sibylle*. Редакция и комментарии

- Fernand Desonay. Paris: Librairie E. Droz, 1930.
64. См. W. J. Roscher. Lexikon der griechischen und romischen Mythologie.
65. Le Paradis de la Sibylle. I. с.
66. Ibid.
67. Образ богини, священного камня, в то время был взят из Pessinus и принесен в Рим.
68. В орфическом гимне она называется "Защитник Жизни и Друг Неистовой Страсти" (Orpheus, Altgriechische Mysteriengesänge. Translated into German by J. O. Plassmann. Jena: Dietrichs Verlag, 1928)
69. Можно также назвать это "Царством Матерей" (Гете). Я выбрала другой термин, потому что в этой истории это не материальный аспект женственности, а, в первую очередь, аспект эроса.
70. K. Kerényi. "Die Göttin Natur" in Eranos-Jahrbuch XIV. Zurich: Rhein-Verlag, 1947.
71. C. G. Jung. Symbole der Wandlung. 4th edit. Zurich: Rascher Verlag, 1952. p. 513 & p. 610. For English, see Psychology of the Unconscious. New York: Moffat Yard & Co., 1921. p. 183 & p. 211. (Will be Vol. V in the Collected Works)
72. См. C. G. Jung, *ibid.*; also Erich Neumann. The Origin and History of Consciousness. Bollingen Series XLII. New York: Pantheon Press, 1954.
73. Jung and Kerényi. Essays on a Science of Mythology. I. с, p. 242.
74. См. прекрасное исследование Aniela Jaffe's - Bilder und Symbols aus E. T. A. Hoffmanns Märchen "Der goldne Topf," included in C. G. Jung's Gestaltungen des Unbewussten. Zurich: Rascher Verlag, 1950.
75. Pierre Benoit. Atlantida. Перевод на английский Mary C. Tongue and Mary Ross. New York: Duffield & Co., 1920.
76. Jung and Kerényi. Essays on a Science of Mythology. I. с, "The Psychological Aspects of the Kore," p. 241.
77. C. G. Jung. Symbole der Wandlung. I. с. (for English, see note 71); and E. Neumann. The Origin and History of Consciousness. I. с.
78. См. C. G. Jung. "Über die Archetypen des kollektiven Unbewussten" in Von den Wurzeln des Bewusstseins. Английский перевод этой исправленной статьи был опубликован в Vol. X of the Collected Works. В настоящее время единственная доступная неисправленная версия этой статьи на английском языке называется "Archetypes of the Collective Unconscious" в Integration of the Personality. New York: Farrar & Rinehart, Inc., 1939. Касательно анимы см., sec p. 77; to the Wise Man, p. 88. См. так же Jung's "The Phenomenology of the Spirit in Fairy Tales" in Spirit and Nature. Bollingen Series XXX.I. New York: Pantheon Press, 1954.

79. Цитата из C. G. Jung in "The Spirit of Psychology" in *Nature and Spirit*. I. c, pp. 405, 406. См. так же *Paracelsus Selected Writings*. Bollingen Series XXVIII. New York: Pantheon Press, 1951. p. 255.
80. C. G. Jung. "The Relations Between the Ego and the Unconscious" in *Two Essays on Analytical Psychology*. Bollingen Series XX. New York: Pantheon Press, 1953.
81. Jung and Kerenyi. *Essays on a Science of Mythology*. I. c, p. 228 ff.
82. J. K. Musaeus. *Volksmarchen der Deutschen*, Vol. II, in *Mdrchen der Weltliteratur*. I. c.
83. История так же описывает судьбы трех дочерей, которые здесь не представлены.
84. William Sharp (Fiona Macleod): *A Memoir compiled by his wife Elizabeth Sharp*, /. c.
85. Ibid., p. 227.
86. Ibid., p. 285.
87. См. Linda Fierz-David. *The Dream of Poliphilo*. I. c, p. 210.